
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2016. Vol.(12). Is. 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation, Sochi, Russian Federation (Editor-in-Chief)

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain

Atanesyan Artur – Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA

Gogitidze Mamuka – Shota Rustaveli National University, Tbilisi, Georgia

Katorin Yuri – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Plachy Yizhi – Military History Institute of the Ministry of Defence Czech Republic

Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Ter Oganov Nugzar – Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russian Federation). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.16
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № 12.

Voennyi Sbornik

2016

Is. **2**

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2016. № 2 (12). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Гл. редактор)
Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Атанесян Артур – Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
Гогитидзе Мамука – Национальный университет им. Шота Руставели, Тбилиси, Грузия
Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Плахий Йижи – Военный исторический институт Министерства обороны Чехии, Чехия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Тер-Оганов Нугзар – Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль
Шмигель Михал – Университет Матяя Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 16.06.16
Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Заказ № 12.

2016

№ 2

CONTENTS

Articles and Statements

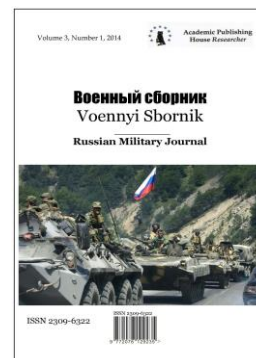
Social Security, Cash Payments and Awards to Servicemen of the Red Army Air Force in the Great Patriotic War of 1941–1945 Alexander P. Abramov	52
To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis Mamuka Gogitidze, Iya Shiukashvili	65
Reference to Galery Yuri F. Katorin	72
The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I Artyom Y. Peretyatko	79
Influence of Difficult Meteorological Conditions on the Landing (on the example of Landing on Cape Pikshuev in April–May 1942) V.N. Pryamitsyn, V.A. Drabinko, V. I. Zhumatiy	100

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 12, Is. 2, pp. 52-64, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.52
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 316: 355-354

Social Security, Cash Payments and Awards to Servicemen of the Red Army Air Force in the Great Patriotic War of 1941–1945

Alexander P. Abramov

Southwest State University, Russian Federation
October 50 Str., 94, Kursk city 305040
Dr. (Sociology), Assistant Professor
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

On the basis of the historical and sociological material presented materials about the Soviet state measures during the Great Patriotic War for the implementation of social policy in respect of the military air force of the Red Army, expressed in monetary incentives, rewards and social guarantees.

The author notes that the implementation of social management practices at each stage of warfare timely adjustments depending on acquired combat experience and the strategic objectives of war. Existing wartime monetary awards system and social guarantees in respect of the personnel of the Red Army Air Force was not a major, but significant moral incentive for both pilots, as for representatives of other arms and services.

Keywords: social protection; cash payments; awards; Air Force; the Red Army; the Great Patriotic war.

Введение

В годы Великой Отечественной войны забота о фронтовиках стала всенародным делом. В литературе не так много работ, посвященных специфике государственного управления по осуществлению социальной политики в отношении военных в годы войны. Особенно это касается вопросов социальных гарантий, материального и нематериального стимулирования, денежных наград в отношении тех или иных категорий военнослужащих. В премировании четко отражался принцип иерархичности войск. Военная элита – летчики – премировались намного щедрее, чем наземные войска. Это вполне объяснимо: во-первых, летчики были одними из самых высококвалифицированных военных кадров, чьей подготовке еще до войны уделялось особое внимание. Во-вторых, их было на несколько порядков меньше, чем служащих наземных войск, т. е. профинансировать их премии было значительно легче. И, в-третьих, именно с летчиками были связаны первые наглядные успехи советской армии после начала Великой Отечественной войны, имевшие особое значение в пропагандистском плане. Поэтому вопросы, связанные системой мер

поощрению является не только мало изученной, но и достаточно актуальной. Вряд ли можно считать фактор материальной заинтересованности принципиально важным для советских военных времен Великой Отечественной войны. Многие из них, судя по воспоминаниям ветеранов, даже не знали о премиях за боевые успехи. Или получали выдаваемые им деньги, даже не задумываясь о том, все ли положенное им заплатили.

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали приказы Народного комиссара обороны СССР в период 1941-45 гг. Первичная информация собиралась в открытых ресурсах, а именно на научных сайтах, Википедии, журнальных публикациях и сборниках нормативно-правовых документов периода Великой отечественной войны 1941-1945 гг. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Обсуждение

Первыми кого решили поощрять материально стали летчики дальней бомбардировочной авиации, которые провели первую бомбардировку Берлина в ночь с 7 на 8 августа 1941 г.

Для поощрения боевой работы летного состава Военно-воздушных сил Красной Армии, отличившегося при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом приказом Народного комиссара обороны в 1941 году был определен порядок награждения летчиков [1] (см. таблицы 1; 2; 3; 4). и технического состава.

Таблица 1

Порядок награждения летчиков истребительной авиации в 1941 году

Выполненные боевые задания	Выплата (руб.), награда
за каждый сбитый самолет противника	1000
3 сбитых самолета противника	3000, орден (медаль)
3 следующих сбитых самолета противника	3000, второй орден (медаль)
10 сбитых самолетов противника	звание Героя Советского Союза
За успешные штурмовые действия по войскам противника	
5 боевых вылетов	1500
15 боевых вылетов	2000, орден (медаль)
25 боевых вылетов	3000, второй орден (медаль)
40 боевых вылетов	5000, звание Героя Советского Союза
За уничтожение самолетов противника на аэродромах днем/ночью	
4 боевых вылета	1500
10/5 боевых вылетов	2000, орден (медаль)
20/10 боевых вылетов	3000, второй орден (медаль)
35/20 боевых вылетов	5000, звание Героя Советского Союза

Во всех случаях результаты и эффективность выполнения штурмовых действий должны быть подтверждены командирами наземных частей или разведкой, фотографированием или разведывательными данными. Летчики, применившие в воздушном бою таран самолета противника, также представлялись к правительственной награде.

Количество сбитых самолетов устанавливалось в каждом отдельном случае показаниями летчика-истребителя на месте, где упал сбитый самолет противника, и подтверждениями командиров наземных частей или установлением на земле места падения сбитого самолета противника командованием полка.

Как видно из приведенных данных, за 10 сбитых самолетов противника летчиков-истребителей следовало представлять к высшей награде — званию Героя Советского Союза

(позднее количество необходимых для этого сбитых самолетов увеличилось, и во второй половине войны для получения Золотой Звезды требовалось уже 15 побед) [2].

«Расценки» на сбитые самолеты противника для истребителей впоследствии были принципиально скорректированы в «Приказе о действиях истребителей по уничтожению бомбардировщиков противника». Потребовалось добиться от пилотов прежде всего уничтожения вражеских бомбардировщиков.

Приказ НКО № 0489 от 17 июня 1942 года гласил: «На всех фронтах наши летчики-истребители при встречах с воздушным противником в большинстве случаев в первую очередь атакуют истребителей противника, а затем уже его бомбардировщиков. Эта привившаяся тактика действий в нашей истребительной авиации совершенно неправильна... основная и главная задача наших истребителей заключается в том, чтобы в первую очередь уничтожить вражеских бомбардировщиков, не дать им возможности сбросить свой бомбовый груз на наши войска, на наши охраняемые объекты. Надо понять; наконец, что, уничтожая бомбардировщиков противника, наши истребители этим самым уменьшают ударную силу авиации противника и наносят ему наибольший материальный ущерб». Чтобы летчики это лучше поняли, было приказано: «В целях поощрения боевой работы летчиков-истребителей установить с 20 июня 1942 года денежную награду в следующих размерах:

- за каждый сбитый бомбардировщик противника выплачивать 2000 рублей;
- за каждый сбитый транспортный самолет противника выплачивать 1500 рублей;
- за каждый сбитый истребительный самолет противника выплачивать 1000 рублей.

На звание Героя Советского Союза представлять таких летчиков-истребителей, которые сбьют в воздушных боях 10 истребителей противника или 5 бомбардировщиков. Выплату за сбитые самолеты противника производить в случаях подтверждения. Установленные ранее размеры вознаграждения за сбитые самолеты – отменить».

Таким образом, с 1942 года бомбардировщик стал оцениваться вдвое дороже истребителя, транспортный самолет дороже в полтора раза. Самолеты-разведчики противника пока в рублях не оценивались.

Таблица 2

Порядок награждения летчиков ближнебомбардировочной и штурмовой авиации

Выполненные боевые задания	Выплата (руб.), награда каждому члену экипажа
10/5 боевых заданий	1000, орден (медаль)
20/10 боевых заданий	2000, второй орден (медаль)
30/20 боевых заданий	3000, звание Героя Советского Союза
летчик, штурман или стрелок-радист лично сбивший:	
1 самолет противника	1000
2 самолета противника	1500, орден (медаль)
5 самолетов противника	2000, второй орден (медаль)
8 самолетов противника	5000, звание Героя Советского Союза

Во всех случаях качество выполнения боевых заданий и их эффективность должны быть подтверждены обязательно фотоснимками в момент бомбометания или спустя 3-4 часа и разведывательными данными.

17 июня 1942 года, был подписан приказ № 0490 – увеличить бомбардировочные дневные удары по противнику и «установить для летчиков-штурмовиков денежное вознаграждение в размере 1000 рублей за каждые 4 вылета с полной бомбовой нагрузкой при выполнении боевого задания по бомбометанию и штурмовым действиям по живой силе противника или по танкам и мотоколоннам».

Таблица 3

**Порядок награждения летчиков дальнебомбардировочной и
тяжелобомбардировочной авиации**

Выполненные боевые задания	Выплата (руб.), награда лицам из состава экипажа
За бомбардировки объектов противника промышленного и оборонного значения	
за каждую успешную бомбардировку	500
за 5 успешных бомбардировок	орден (медаль)
за 8 успешных бомбардировок	второй орден (медаль)
за 12 успешных бомбардировок	звание Героя Советского Союза
При действиях по политическому центру (столице) противника	
	каждому члену экипажа
за каждую бомбардировку	2000
за 3 успешных бомбардировки	орден (медаль)
за 5 успешных бомбардировок	второй орден (медаль)
за 10 успешных бомбардировок	звание Героя Советского Союза

За успешные действия в ближнем тылу противника экипажи дальнебомбардировочной и тяжелобомбардировочной авиации получают денежные награды и представляются к правительственным наградам таким же порядком, как и экипажи ближнебомбардировочной авиации.

Таблица 4

Порядок награждения летчиков ближне- и дальнеразведывательной авиации

Выполненные боевые задания днем/ночью	Выплата (руб.), награда каждому члену экипажа
10/5 боевых заданий	1000, орден (медаль)
20/10 боевых заданий	2000, второй орден (медаль)
40/15 боевых заданий	3000, звание Героя Советского Союза

Во всех случаях данные по разведке должны быть подтверждены фотоснимками или показаниями других экипажей, вылетавших для уничтожения обнаруженных объектов противника или уточнения разведывательных данных предыдущих экипажей.

Представление к награждению орденами лучших авиационных полков и отдельных эскадрилий производилось командующими ВВС фронтов, исходя из результатов боевой работы при наименьших потерях людей и своей материальной части. Командиры и комиссары авиационных эскадрилий и полков получали правительственные награды по результатам боевой работы своих подчиненных (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Условия награждения командиров и комиссаров
авиационных эскадрилий и полков**

Награда		Боевая результативность		
В истребительной авиации				
		Эскадрилья	полк	
орден Ленина				
командиру и комиссару	уничтожено не менее 15 самолетов противника	свои потери не более 3 самолетов	уничтожено не менее 30 самолетов противника	свои потери не более 5 самолетов

В ближнебомбардировочной и штурмовой авиации

орден Ленина командиру и комиссару	эскадрилья результат	свои потери	полк результат	свои потери
	не менее 100 успешных боевых самолето-вылетов	не более 3 самолетов	не менее 250 успешных боевых самолето-вылетов	не более 6 самолетов

В дальнебомбардировочной и тяжело бомбардировочной авиации

орден Ленина командиру и комиссару	эскадрилья результат	свои потери	полк результат	свои потери
	не менее 50 боевых самолето-вылетов	не более 2 самолетов	не менее 150 самолето-вылетов	не более 5 самолетов

В разведывательной авиации

орден Ленина командиру и комиссару	эскадрилья результат	свои потери
	не менее 100 полетов в ближней разведывательной авиации и не менее 50 полетов в дальней разведывательной авиации	не более 3 самолетов

Кроме того, в первые месяцы Великой отечественной войны были установлены поощрения за сбережение материальной части и безаварийность. Летный и технический состав, независимо от характера выполняемой работы, подлежал премированию денежной наградой за сбережение материальной части и полеты без поломок и аварий.

Летчики, независимо от стажа и командной категории, за каждые 100 полетов, за исключением полетов по кругу, без всяких летных происшествий - получают денежное вознаграждение в размере 5000 рублей. При этом потеря летчиком ориентировки при выполнении полета исключала возможность такого поощрения.

Технический состав, обслуживающий самолеты, получал денежную награду в размере 3000 рублей при условии безотказной работы материальной части и при отсутствии невыходов ее в полет за каждые 100 самолето-вылетов.

Руководящий инженерный состав получал 25 % денежной награды от общей суммы премирования технического состава части. За быстрый и качественный восстановительный ремонт самолетов личный состав походных авиаремонтных мастерских (ПАРМ) премировался денежной наградой в размере 500 рублей за каждый восстановленный самолет. За восстановление свыше 50 самолетов помимо денежной награды личный состав ПАРМов командованием дивизий представляется к медали или ордену.

В последующие годы система денежных наград несколько раз корректировалась. Там с марта 1943 году для летного состава истребительной, штурмовой и других видов боевой авиации, успешно выполняющего, наряду с основными задачами, задания по разведке противника, была установлена надбавка к получаемому содержанию в размере 50 рублей за каждый боевой вылет на разведку с тем, чтобы месячный основной оклад летчика по занимаемой должности вместе с надбавками не превышал оклада, установленного для разведывательной авиации приказом НКО 1942 г. № 0760 [3].

Для летчиков очередные коррективы в расценки за боевые успехи были определены в «Положении о наградах и премиях для личного состава военных воздушных сил Красной Армии, авиации дальнего действия, истребительной авиации ПВО. ВВС военно-морского флота за боевую деятельность и сохранение материальной части» [4] (см. таблицы 6; 7).

**Порядок награждения летчиков истребительной авиации
с 1943 года**

Выполненные боевые задания	Награда
3 сбитых бомбардировщика (разведчика) противника или 4 лично сбитых самолета других типов. или 6 самолетов, уничтоженных на земле	первая награда (орден или медаль)
4 следующих сбитых бомбардировщика (разведчика) противника или самолета противника	вторая награда (орден или медаль)
5 лично сбитых самолетов других типов, или 6 самолетов, уничтоженных на земле	
10 лично сбитых самолетов-бомбардировщиков (разведчиков) или 15 лично сбитых самолетов других типов	звание Героя Советского Союза
30 лично сбитых самолетов всех типов	звание дважды Героя Советского Союза
50 лично сбитых самолетов всех типов	звание трижды Героя Советского Союза
За уничтожение подвижного состава железнодорожного транспорта и дезорганизацию железнодорожных перевозок на территории противника	
6 уничтоженных паровозов или 4 крушения поездов, вызванных атакой самолета	первая награда (орден или медаль)
следующие 8 уничтоженных паровозов или 6 крушений поездов, вызванных атакой самолетов	вторая награда (орден или медаль)
За боевые вылеты на сопровождение штурмовиков, бомбардировщиков, минно-торпедной авиации, разведчиков и корректировщиков, а также за боевые вылеты на прикрытие боевых порядков наземных войск на поле боя, морских баз, коммуникаций и других объектов	
30 боевых вылетов	первая награда (орден или медаль)
каждые следующие 30 успешных боевых вылетов	вторая награда (орден или медаль)
За боевые вылеты на штурмовые действия и разведку войск противника	
20 успешных боевых вылетов	первая награда (орден или медаль)
каждые следующие 30 успешных боевых вылетов	вторая награда (орден или медаль)

Командиры подразделений, частей и соединений помимо наград, получаемых за личные подвиги, к правительственным наградам представлялись:

– за умелое командование подчиненными подразделениями, частями или соединениями, действия которых способствовали успешному разгрому противника в бою или операции наземных войск или флота;

– командир эскадрильи (в том числе и отдельной), под командованием которого эскадрилья уничтожила в воздушных боях и на аэродромах противника 25 самолетов, имея при этом потери не более 5 своих самолетов;

– командир полка, под командованием которого полк уничтожил в воздушных боях и на аэродромах противника 60 самолетов, имея при этом потери не более 10 своих самолетов.

При действиях летчиков-истребителей в ночное время требуемое число сбитых самолетов для получения правительственных наград сокращалось в два раза.

**Порядок награждения летчиков штурмовой авиации
с 1943 года**

Выполненные боевые задания	Награда
За боевые вылеты для атаки наземных и морских объектов противника	
10 успешных боевых вылетов	первая награда (орден или медаль)
за каждые следующие 20 успешных боевых вылетов	вторая награда (орден или медаль)
80 успешных боевых вылетов или 10 лично сбитых самолетов противника	звание Героя Советского Союза
За уничтожение самолетов противника на земле и за сбитые самолеты в воздушных боях	
6 самолетов, уничтоженных на земле или 2 лично сбитых самолета	первая награда (орден или медаль)
за каждые следующие 10 уничтоженных самолетов на земле или 4 лично сбитых самолета	вторая награда (орден или медаль)
За уничтожение подвижного железнодорожного транспорта и дезорганизацию железнодорожного движения противника	
6 уничтоженных паровозов или 4 крушения поездов, вызванных атакой самолета	первая награда (орден или медаль)
за каждые следующие 8 уничтоженных паровозов или 6 крушений поездов, вызванных атакой самолета	вторая награда (орден или медаль)

Представление к правительственной награде экипажа самолета командира пары за сбитые самолеты противника в воздушных боях давало право на представление к награде и экипажа ведомого самолета, если он своими действиями обеспечил успех в бою экипажа самолета командира пары.

Командиры подразделений, частей и соединений штурмовой авиации, помимо наград, получаемых за личные подвиги, к правительственным наградам представлялись в следующих случаях:

– за умелое командование подчиненными подразделениями, частями или соединениями, действия которых способствовали успешному разгрому противника в бою или операции наземных войск или флота;

– командир эскадрильи, под командованием которого эскадрилья совершила 150 успешных боевых самолето-вылетов, имея при этом потери не более 5 своих самолетов;

– командир полка, под командованием которого полк совершил 350 успешных боевых самолето-вылетов, имея при этом потери не более 12 своих самолетов.

Летчики, штурманы (стрелки-бомбардиры), воздушные стрелки и воздушные стрелки-радисты ближнебомбардировочной и ночной авиации представлялись к правительственным наградам за совершение боевых вылетов и за уничтожение самолетов противника в воздушных боях:

– к первой награде – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за 25 успешных боевых вылетов днем или 40 успешных боевых вылетов ночью, или за 2 самолета, лично сбитых в воздушных боях. Для ближнебомбардировочной и ночной авиации (на самолетах У-2, Р-5 и МБР-2) за 10 успешных боевых вылетов днем или 60 успешных боевых вылетов ночью;

– к последующим наградам – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за каждые следующие 40 успешных боевых вылетов днем или 60 успешных боевых вылетов ночью, или за каждые следующие 2 самолета, лично сбитых в воздушных боях. Для ближнебомбардировочной и ночной авиации (на самолетах У-2, Р-5 и МБР-2) за каждые следующие 20 успешных боевых вылетов днем или 150 успешных боевых вылетов ночью;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – каждое лицо, входящее в состав экипажа, при наличии не менее 160 успешных боевых вылетов днем или 250 ночью, или за 10 самолетов противника, лично сбитых в воздушных боях. Для пикирующих бомбардировщиков – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за 80 успешных боевых вылетов с пикированием, а при бомбометании с горизонтального полета за 160 успешных боевых вылетов. Для ближнебомбардировочной и ночной авиации (на самолетах У-2, Р-5 и МБР-2) – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за 50 успешных боевых вылетов днем или 500 успешных боевых вылетов ночью.

Командиры подразделений, частей и соединений бомбардировочной авиации помимо наград, получаемых за личные подвиги, также получали награды за боевые победы своих подчиненных.

Летный состав, входящий в расчет экипажей авиации дальнего действия, представлялся к правительственным наградам за успешное выполнение боевых заданий на бомбардировку политических центров, промышленных объектов и военных объектов противника (см. таблицу 8).

Летный состав, входящий в расчет экипажей минно-торпедной авиации, представлялся к правительственным наградам за успешное выполнение минных постановок:

– к первой награде – каждый член экипажа за 10 успешно выполненных минных постановок у баз противника и на фарватерах, прикрытых сильными средствами ПВО, или 20 постановок на открытых фарватерах;

– к последующим наградам – каждый член экипажа за каждые следующие 20 успешно выполненных минных постановок у баз противника и на фарватерах, прикрытых сильными средствами ПВО, или 40 постановок на открытых фарватерах;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – каждый член экипажа за 60 успешно выполненных минных постановок у баз противника и на фарватерах, прикрытых сильными средствами ПВО, или 120 постановок на открытых фарватерах.

Таблица 8

Порядок награждения летчиков авиации дальнего действия с 1943 года

Выполненные боевые задания	Награда
При бомбардировках политического центра (столицы) противника	
3 успешно выполненные бомбардировки	первая награда (орден или медаль)
следующие 3 успешно выполненные бомбардировки	вторая награда (орден или медаль)
за следующие 4 успешно выполненные бомбардировки	третья награда (орден или медаль)
за следующие 5 успешно выполненных бомбардировок	звание Героя Советского Союза
При бомбардировках военных и промышленных объектов на собственной территории противника	
5 успешно выполненных бомбардировок	первая награда (орден или медаль)
за следующие 7 успешно выполненных бомбардировок	вторая награда (орден или медаль)
за следующие 8 успешно выполненных бомбардировок	третья награда (орден или медаль)
за следующие 10 успешно выполненных бомбардировок	звание Героя Советского Союза
При бомбардировках военных объектов в тылу противника в пределах временно оккупированной территории СССР	
20 успешно выполненных бомбардировок	первая награда (орден или медаль)
за следующие 25 успешно выполненных бомбардировок	вторая награда (орден или медаль)
за следующие 35 успешно выполненных бомбардировок	третья награда (орден или медаль)

за следующие 40 успешно выполненных бомбардировок

звание Героя Советского Союза

При бомбардировках военных объектов противника на переднем крае обороны или в пределах армейских и фронтовых тылов

30 успешно выполненных бомбардировок

первая награда (орден или медаль)

за следующие 50 успешно выполненных бомбардировок

вторая награда (орден или медаль)

за следующие 70 успешно выполненных бомбардировок

третья награда (орден или медаль)

за следующие 100 успешно выполненных бомбардировок

звание Героя Советского Союза

Летный состав разведывательной авиации представлялся к правительственным наградам за боевые вылеты на разведку днем и ночью:

– к первой награде – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за 5 успешных боевых вылетов на дальнюю разведку или за 10 успешных боевых вылетов на ближнюю разведку;

– к последующим наградам – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за последующие 10 успешных боевых вылетов на дальнюю разведку или 15 успешных вылетов на ближнюю разведку;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – каждое лицо, входящее в состав экипажа, за 75 успешных боевых вылетов на дальнюю разведку или 100 успешных боевых вылетов на ближнюю разведку.

Командиры подразделений и частей, помимо наград, получаемых за личные подвиги, к правительственным наградам представлялись:

– командир эскадрильи, под командованием которого эскадрилья совершила 100 успешных боевых самолето-вылетов, имея при этом потери не более 5 своих самолетов;

– командир полка, под командованием которого полк совершил 200 успешных боевых самолето-вылетов, имея при этом потери не более 10 своих самолетов.

Для экипажей морской разведывательной авиации, несущих разведку в открытом море и при малой вероятности встречи с воздушным противником, количество успешных боевых вылетов увеличить в 3 раза, а для награждения командиров – в 4 раза.

Летчики и летчики-наблюдатели (штурманы) корректировочно-разведывательной авиации представлялись к правительственным наградам за боевые вылеты на корректирование артогня, визуальную и фотографическую разведку:

– к первой награде – за 15 успешных боевых вылетов;

– к последующим наградам – за каждые следующие 30 успешных боевых вылетов;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – за 80 успешных боевых вылетов.

Командиры подразделений и частей помимо наград, получаемых за личные подвиги, к правительственным наградам представлялись:

– командир эскадрильи, под командованием которого эскадрилья совершила по 10 боевых успешных вылетов на каждый самолет, имея при этом потери не более 2 своих самолетов;

– командир полка, под командованием которого полк совершил 100 успешных боевых самолето-вылетов, имея при этом потери не более 5 своих самолетов.

Летный состав экипажей всех видов авиации за потопление морских судов к правительственным наградам представлялся:

– к первой награде – каждый член экипажа за потопление одного боевого корабля класса не менее миноносца или подводной лодки, или трех малых боевых кораблей, или двух транспортов по 2000-5000 тонн, или одного транспорта свыше 5000 тонн водоизмещением;

– к последующим наградам – каждый член экипажа за потопление каждого следующего одного боевого корабля класса не менее миноносца или подлодки, или следующих трех малых кораблей (боевых), или двух транспортов по 2000–5000 тонн, или одного следующего транспорта свыше 5000 тонн водоизмещением;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – за потопление 3 боевых кораблей класса не менее миноносца или подлодки, или 9 малых боевых кораблей, или 6 транспортов по 2000-5000 тонн, или 3 транспортов свыше 5000 тонн водоизмещением каждый.

Летный состав транспортной и других видов авиации, привлекаемых к выполнению заданий по транспортировке, к правительственным наградам представлялся за успешное выполнение вылетов для сбрасывания грузов войскам, или партизанам, действующим в тылу противника, за высадку в тылу противника и вывозку войск (в том числе раненых) из расположения частей, действующих в тылу противника:

– к первой награде – каждый член экипажа за 10 дневных или 20 ночных успешных вылетов с посадкой в тылу противника с целью высадки войск или эвакуации раненых, или за 15 дневных или 30 ночных успешных вылетов для сбрасывания грузов в расположение войск или партизанских отрядов, действующих в тылу противника;

– ко второй и третьей наградам – каждый член экипажа за каждые следующие 15 дневных или 25 ночных успешных вылетов с посадкой в тылу противника с целью высадки войск или эвакуации раненых, или за каждые следующие 30 дневных или 50 ночных успешных вылетов для сбрасывания грузов в расположении войск или партизанских отрядов, действующих в тылу противника;

– к высшей награде – званию Героя Советского Союза – каждый член экипажа за следующие 50 дневных или 75 ночных успешных вылетов с посадкой в тылу противника, с целью высадки войск или эвакуации раненых, или за 100 дневных, или 150 ночных успешных вылетов для сбрасывания грузов в расположении войск или партизанских отрядов, действующих в тылу противника.

Вылет для сбрасывания грузов считался успешно выполненным в том случае, если сброшенный груз подобран нашими войсками или партизанами.

Летный состав экипажей связи к правительственным наградам представлялся за успешное выполнение полетов с целью поддержания связи со своими войсками в прифронтовой полосе глубиной до 50 км от линии фронта при условии, если полеты проводились под воздействием авиации или зенитного огня противника, при этом экипажем были проявлены находчивость и героизм.

Для поощрения боевой работы летного состава авиации дальнего действия был установлен следующий порядок выдачи денежных наград летному составу экипажей всех видов авиации (кроме авиации дальнего действия) за успешные боевые действия вне зависимости от представления к правительственным наградам выплачивались денежные премии:

1) Летчику и штурману, входящим в состав экипажа: за 30 успешных боевых вылетов 2000 руб.; за 50 успешных боевых вылетов 3000 руб.; за 80 успешных боевых вылетов 4000 руб.; за 120 успешных боевых вылетов 5000 руб. Всем остальным членам экипажа по 30 % каждому от суммы, полученной командиром экипажа.

2) Члену экипажа, лично сбившему самолет противника: за каждый сбитый самолет типа бомбардировщик, разведчик или транспортный 1500 руб. за каждый сбитый самолет прочих типов – 1000 руб.

Для авиации дальнего действия были установлены следующие виды выплат:

1) За каждую успешно выполненную бомбардировку политического центра (столицы) противника командир корабля, штурман и борттехник получают денежную награду в размере 2000 рублей, а остальные члены экипажа в размере 1000 рублей каждый.

2) За каждую успешно выполненную бомбардировку объектов промышленного и оборонного значения на собственной территории противника командир корабля, штурман и борттехник получают денежную награду в размере 750 рублей, а остальные члены экипажа в размере 350 рублей каждый.

3) За каждые 10 успешно выполненных бомбардировок военных объектов в тылу противника в пределах временно оккупированной территории СССР командир корабля, штурман и борттехник получают денежную награду в размере 1000 рублей, а остальные члены экипажа в размере 500 рублей каждый.

4) За каждые 10 успешно выполненных бомбардировок военных объектов на переднем крае или в пределах армейских и фронтовых тылов противника командир корабля, штурман

и борттехник получают денежную награду в размере 500 рублей, а остальные члены экипажа в размере 250 рублей каждый.

При этом летно-подъемному составу авиации дальнего действия были увеличены штатно-должностные оклады содержания на 30 %, а инженерному и техническому составу 15 % с 1 марта 1943 г. [5].

Предусматривалась оплата и за снижение возможностей противника по переброске войск – уничтоженный паровоз или вызванное крушение эшелона: летчику и штурману – по 750 рублей, членам экипажа – по 500 рублей.

Впервые появились расценки на самые высокооплачиваемые с этого момента цели – морские. Так, за потопление миноносца или подводной лодки противника летчику и штурману причиталось по 10000 рублей, а каждому из остальных членов экипажа по 2500 рублей. За потопление транспорта противника – летчику и штурману – по 3000 рублей, членам экипажа – по 1000 рублей. За потопление сторожевого корабля или тральщика противника – летчику и штурману – по 2000 рублей, членам экипажа – по 500 рублей. За потопление баржи, буксира или вооруженной шхуны противника летчику и штурману – по 1000 рублей, членам экипажа – по 300 рублей.

Таким образом, один потопленный миноносец или подводная лодка (10 000 рублей) «стоили» пяти бомбежек Берлина (2000 рублей) для пилота, штурмана, бортмеханика, десяти для стрелка-радиста или воздушного стрелка (1000 рублей).

В отношении вспомогательного состава также были предусмотрены условия их награждения. Так, механик (техник) и моторист авиационный, непосредственно работающие на самолете, представлялись к правительственным наградам за отличную подготовку и выпуск самолетов на выполнение боевых заданий в установленные командованием сроки: к первой награде – за 100 самолето-выпусков, а при обслуживании самолетов типа У-2, Р-5 и МБР-2 за 250 самолето-выпусков; к последующим наградам – за каждые следующие 100 самолето-выпусков, а при обслуживании самолетов типа У-2, Р-5 и МБР-2 за каждые следующие 250 самолето-выпусков.

Механики и мастера спецслужб и вооружения представлялись к первой и последующим правительственным наградам, если обслуживаемые ими самолеты (по их специальностям) совершили следующее количество боевых вылетов:

- для истребительных и штурмовых самолетов – 750 самолето-вылетов;
- для ближних бомбардировщиков и ближней разведки – 400 самолето-вылетов;
- для тяжелых и дальних бомбардировщиков и дальней разведки – 300 самолето-вылетов;
- для самолетов типа У-2, Р-5, МБР-2 – 1500 самолето-вылетов.

Инженерно-технический состав авиачастей к правительственным наградам представлялся в следующих случаях: техник авиационный звена – за 200 самолето-вылетов; ст. техник (инженер) авиаэскадрильи и его заместители по вооружению и спецслужбам – за 750 самолето-вылетов; ст. инженер авиаполка и его заместители по вооружению и спецслужбам – за 1500 самолето-вылетов.

Кроме правительственных наград, им выплачивались и денежные премии:

1) За каждые 100 самолето-вылетов: механику (технику) авиационному самолета – 1000 руб.; мотористу авиационному – 400 руб.; остальному техническому составу (службы вооружения, авиаприборов, электрорадио-спецоборудования) – 600 руб.

2) Если 75 % механиков (техников) авиационных в звене (эскадрилье) премированы, руководящий инженерно-технический состав звена, эскадрильи получал денежную премию: техник авиационный звена – 1500 руб.; ст. техник (инженер) эскадрильи – 2000 руб.; заместители инженера (ст. техника) эскадрильи по вооружению и спецслужбам каждый – 1500 руб.

3) Если 50 % механиков (техников) авиационных в авиаполку премированы, руководящий инженерно-технический состав авиаполка получал денежную премию: ст. инженер авиаполка – 2500 руб.; заместители ст. инженера по вооружению и спецслужбам каждый – 2000 руб.

Одни исследователи утверждают, что роль существовавших в военные времена поощрительных денежных надбавок была не существенной, другие с цифрами в руках доказывают обратное, так например, по их мнению, разница в деньгах между начальниками

и подчиненными была большая. Однако система стимулирующих выплат и надбавок ее во многом сглаживала. Так, ст. сержант — пилот По-2, Герой Советского Союза получал: оклад — 1200 руб. в месяц + 25% гвардейских + 25% фронтовых + 10% за вылет. Итого — 1920 руб. получалось, что боевой пилот получал даже больше комполка, но это в идеальном случае. Командиры полков, как правило, сами были героями и сами летали.

Никто не отменял и Постановление ЦИК и СНК СССР 1936 года, действовавшее до 1948 года, согласно которому кавалерам орденов устанавливались определенные социальные гарантии и ежемесячные денежные выплаты за:

- орден Ленина – 5 руб.
- орден "Красное Знамя" – 20 руб.
- орден "Трудовой Красное Знамя" – 15 руб.
- орден "Красная Звезда" – 15 руб.
- орден "Знак Почета" – 10 руб.

Награжденные получали право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям сообщения один раз в год (туда и обратно), в трамвае во всех городах Союза ССР, им сокращался стаж работы для выхода на пенсию на одну треть; устанавливалась оплата занимаемых жилых помещений со скидкой от 10 % до 50 %. Кроме того, кавалеры орденов освобождались от обложения подоходным налогом и сбором на нужды жилищного и культурно-бытового строительства по получаемой ими заработной плате и денежному содержанию в РККА. По доходам от других источников они освобождались от указанного налога и сбора, если их доход не превышает 6000 рублей в год. Если доход превышал эту сумму, то из облагаемого дохода исключалось 6000 рублей [6].

Для летно-технического состава ВВС Красной Армии с осени 1941 года были введены повышенные нормы продовольственного снабжения. Так, например, для боевых расчетов экипажей самолетов действующей армии была установлена суточная норма сливочного масла – 90 г.; сахара – 80 г.; мяса – 350 г. [7].

В период Великой Отечественной в армии существовала и система военной торговли. Автолавки доставляли на передовую товары первой необходимости: бумагу, открытки, зубной порошок и щетки, зеркала, расчески, лезвия для бритвы, нитки, иголки, трубки, кисеты и т.д. Всего было более 600 лавок, которые пользовались спросом.

Заключение

Завершая, хочется отметить, что существующая в годы войны система денежных наград и социальных гарантий в отношении личного состава ВВС Красной Армии являлась не основным, но существенным моральным стимулом как для летчиков, так для представителей других видов и родов войск.

Примечания:

1. РГВА Ф. 4, оп. 11, д. 65, л. 361-369. Приказ НКО "О порядке награждения летного состава Военно-воздушных Сил Красной Армии за хорошую боевую работу и меры борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков" № 0299 от 19 августа 1941 г.

2. Кустов М. Цена победы в рублях. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 320 с.

3. РГВА Ф. 4, оп. 12, д. 107, л. 575. Приказ НКО СССР "Об установлении для летного состава надбавки к получаемому содержанию а боевой вылет на разведку" № 133 от 22 марта 1943 г.

4. РГВА Ф. 4, оп. 12, д. 108, л. 554. Приказ НКО СССР с объявлением положения о наградах и премиях для личного состава ВВС Красной Армии, авиации дальнего действия, истребительной авиации ПВО и ВВС Военно-Морского флота № 294 от 8 октября 1943 г.

5. РГВА Ф. 4, оп. 11, д. 75, л. 412. Приказ НКО СССР "О порядке выплаты денежных наград и повышении окладов содержания летно-подъемному и инженерно-техническому составу авиации дальнего действия" № 0208 26 марта 1943 г.

6. Постановление ЦИК № 56 и СНК СССР № 81 "Об утверждении "Общего положения об орденах Союза ССР" от 7 мая 1936 г. // СЗ СССР, 1936, № 24, ст. 220б.

7. Приказ НКО СССР "О введении новых норм продовольственного снабжения Красной Армии" № 312 от 22 сентября 1941 г. // Русский архив. Великая Отечественная: Приказы

Народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. - 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1996, док. № 76.

References:

1. RGVA. F. 4, Op. 11, d. 65, n. 361-369. PCD Order "On the procedure for awarding the flight crews of the Red Army Air Force for their good work and combat measures against concealed defection among some pilots" № 0299 of August 19, 1941. [in Russian].
2. Custov M. Victory Price in rubles. М.: AST, Astrel, Poligrafizdat, 2010. 320 p. [in Russian]
3. RGVA. F. 4, Op. 12, d. 107, l. 575. PCD Order "On establishing the allowance for pilots to get the content and sortie exploration" № 133 of March 22, 1943. [in Russian].
4. RGVA. F. 4, Op. 12, d. 108, l. 554. Order PCD ad position on awards and bonuses to the personnel of the Red Army Air Force, Air Force long-range air defense fighter aircraft and the Air Force Navy number 294 of October 8, 1943. [in Russian].
5. RGVA. F. 4, Op. 11, d. 75, n. 412. Order PCD "On the order of payment of monetary awards and salary increase the content of the flight-lifting and technical staff AFLRO" number 0208 March 26, 1943 [in Russian].
6. The CEC Resolution № 56 and CPC № 81 "On approval of the" General provisions on the orders of the USSR "on May 7, 1936 // SZ the USSR, 1936, № 24, st.220b. [in Russian].
7. PCD Order "On the introduction of new rules of the food supply of the Red Army," number 312 of September 22, 1941 // Russian archive. The Great Patriotic War: The orders of the People's Commissar of Defence. June 22, 1941 - 1942 Т 13 (2-2). М. : Terra, 1996, Doc. № 76. [in Russian].

УДК 316: 355.354

**Социальные гарантии, денежные выплаты и награды военнослужащим ВВС
Красной Армии в годы Великой отечественной войны 1941-1945 годов**

Александр Петрович Абрамов

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Доктор социологических наук, доцент
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе историко-социологического материала представлены материалы о мерах советского государства в годы Великой Отечественной войны по реализации социальной политики в отношении военнослужащих ВВС Красной Армии, выразившееся в денежных поощрениях, наградах и социальных гарантиях.

Автором отмечается, что реализация практик социального управления на каждом конкретном этапе ведения боевых действий своевременно корректировалась в зависимости от приобретаемого боевого опыта и стратегических задач ведения войны. Существующая в годы войны система денежных наград и социальных гарантий в отношении личного состава ВВС Красной Армии являлась не основным, но существенным моральным стимулом как для летчиков, так для представителей других видов и родов войск.

Ключевые слова: социальные гарантии, денежные выплаты, награды, Военно-воздушные силы, Красная Армия, Великая отечественная война.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

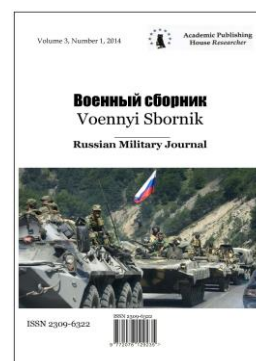
ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 12, Is. 2, pp. 65-71, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.65

www.ejournal6.com

UDC 94

To the Issue on the History of the Cadet Corps in Tiflis

¹ Mamuka Gogitidze

² Iya Shiukashvili

¹ National University Shota Rustaveli, Georgia
Doctor of Historical Sciences, Colonel

² Telavi State University Jacob Gogebashvili, Georgia
Chief specialist of the International Relations Department

Abstract

The article discusses the issue of organizing in Tiflis the cadet corps. The Tiflis cadet corps was founded in 1882 year on the basis of the military school that existed in Tbilisi since 1875 year.

In 1827, the officers and officials who served in the Caucasus, presented a petition to Nicholas I on the establishment in the city of Tiflis cadet corps in 150 children.

The authors note that a serious problem to a certain extent, affect the quality of teaching cadets, the housing problem. Housing in Tiflis at that time very little was built. It was very difficult to find an apartment in the city on the take-out money for these purposes. The only solution to this problem was to increase salaries to pay for housing. This was done by Layminga recommendations.

Ключевые слова: Тифлисский кадетский корпус, образование, военная гимназия, воспитанники.

Введение

Тифлисский кадетский корпус был основан в 1882 г. на базе военной гимназии, существовавшей в Тифлисе с 1875 г.

Однако еще в 1827 г. офицеры и чиновники, проходившие службу в Закавказье, выступили с ходатайством перед Николаем I об учреждении в г. Тифлисе кадетского корпуса на 150 воспитанников.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали: архивные документы Российского государственного военно-исторического архива (Россиская Федерация), а также научные публикации дореволюционного и современного периодов.

В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Обсуждение и результаты

Командующий войсками в регионе генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский представил Императору свои соображения о том, что открывать корпус в Тифлисе пока преждевременно.

Свое несогласие с предложением об открытии корпуса Паскевич объяснял тем, что, во-первых, в Закавказье пришлось бы столкнуться с поиском преподавателей для работы в корпусе, во-вторых, у жителей Грузии в это время существовала определенная отчужденность от русских нравов и обычаев. Русский язык не стал еще средством активного общения жителей региона.

Рис. 1. Тифлисский кадетский корпус

Выпускник Тифлисского кадетского корпуса 1906 г. Георгий Тантуров, характеризуя состояние с образованием в Грузии в начале XIX в., писал: *«Первая попытка открыть школу в Тифлисе в 1802 г. окончилась очень комично: все учащиеся Тифлисского училища для грузинских благородных юношей разбежались сразу после его открытия. Когда главнокомандующий в Грузии князь Цицианов приехал в Тифлис в 1803 г., он не нашел ни учителей, ни учеников, ни самого училища. Много труда надо было приложить, чтобы ввести в Грузии первые школы».*

Паскевич, кроме того, считал, что пока еще существовали ограниченные потребности в военном образовании для молодых людей Закавказья.

Вместе с тем И.Ф. Паскевич полагал, что открытие гимназии, уездного училища в Тифлисе на время удовлетворило бы потребности дворянства и чиновников в воспитании своих сыновей.

Паскевич ходатайствовал, чтобы из названных выше заведений ежегодно по 10 учеников направлялись в кадетские корпуса, находившиеся в центре России.

Все соображения Паскевича получили одобрение императора, и в 1830 г. было повелено лучших воспитанников Тифлиской гимназии и других училищ от 10 до 14 лет направить в кадетские корпуса Санкт-Петербурга и Москвы.

После окончания кадетских корпусов они должны были шесть лет прослужить в России, а затем переводиться в Грузию.

В 1832 и 1834 гг. последовало решение о предоставлении жителям Закавказья 40 вакансий в кадетских корпусах.

В соответствии с планами подготовки военных кадров для Закавказского региона в начале 1840-х гг. в Тифлисе была учреждена начальная военная школа, которая 13 ноября 1871 г. была преобразована в Военную прогимназию на 200 воспитанников [1].

Прогимназия находилась в подчинении командующего военным округом и кроме четырех общих классов имела подготовительный и межевой класс для подготовки землемеров.

7 июля 1875 года военная прогимназия была переведена во Владикавказ, а в принадлежавшем ей здании в Тифлисе была учреждена Военная гимназия на 200 воспитанников.

Малолетние кавказцы, направлявшиеся на учебу в центральную Россию, в большинстве случаев тяжело переносили смену климата. С учетом этого и учреждалась Военная гимназия.

В 1877-1879 гг. была проведена реконструкция и перестройка зданий Военной гимназии. В гимназии существовало четыре младших класса. Основной штат преподавателей составляли бывшие преподаватели прогимназии.

В 1880 г. лицам, находящимся на службе в гимназии, были предоставлены некоторые преимущества по сравнению с другими учебными заведениями.

22 июля 1882 г. Тифлисская военная гимназия была преобразована в Тифлисский кадетский корпус. Всем преподавателям и воспитанникам было предложено продолжить пребывание в новом военно-учебном заведении. За редким исключением кадетский корпус никто не покинул [2].

22 июня 1882 года в Тифлисе был открыт кадетский корпус со своей домовою церковью на 2-м этаже, в которой служили священник, дьякон и псаломщик. При корпусе были законоучители православной, армяно-григорианской, римско-католической, лютеранской церквей и учитель магометанского закона. Дополнительно выделялись деньги на наем органиста во время лютеранской службы [3; 351].

Где находилось старое здание кадетского корпуса, точно установить не удается. Очевидно, оно уже не отвечало необходимым требованиям, и новое здание было построено на Головинском проспекте, торжественное освящение Тифлисского имени Великого Князя Михаила Николаевича кадетского корпуса состоялось 30 декабря 1909 года. [3; 352]

В 1884-1885 гг. было утверждено положение о Тифлиском кадетском корпусе, которым корпус был уравнен во всех правах, в первую очередь, финансовых с другими кадетскими корпусами. Штат корпуса был утвержден в 350 воспитанников, распределенных по 3-ем ротам. В корпусе было положено иметь 16 офицеров. Храмовый праздник был 8 ноября. Корпус располагался в трехэтажном здании на Головинском проспекте Тифлиса.

В корпусе были представлены почти все народности Кавказа: грузины, армяне, кабардинцы, персы, казаки, закавказские татары, осетины и др.

Сыновья офицеров всех старых кавказских пехотных полков, кадеты, несли с собой в корпус военный задор, боевое товарищество, обычаи старых кавказских полков и какую-то спайку, которая делала их всех как бы вылитыми по одной мерке. И язык у всех был особенный: кавказские словечки, остроты тифлиских «кинто», свои собственные корпусные выражения – все это сливалось в особый жаргон, особую интонацию Кадет, не знавший грузинского языка, считал своим долгом говорить с грузинским акцентом».

В силу своих национальных особенностей кадеты-кавказцы постоянно вступали в поединки. В каждом классе было точно известно, кто первый силач, кто второй и т.д.

В январе 1905 г. Тифлисский кадетский корпус с инспекторской проверкой посетил генерал для особых поручений Главного управления военно-учебных заведений генерал-лейтенант Бутовский. По его словам, Тифлисский кадетский корпус он нашел в полном порядке.

Он отметил как положительный момент принятие к исполнению указаний, сделанных в приказе №30 от 1901 г. по воспитательной работе в части касающейся условий воспитания кадет [4].

В Тифлиском корпусе было отмечено хорошее поведение кадет и их старательное отношение к учебным занятиям. По сравнению с предыдущей инспекторской проверкой отмечена выдержка и благовоспитанность старших кадет. Это подтвердили и отчеты, сделанные педагогическим комитетом.

За 1904-1905 гг. в корпусе не было отмечено случаев грубого нарушения воинской дисциплины. На генерала Бутовского произвела впечатление чистота в помещениях и на

плацу кадетского корпуса, чистая и опрятная одежда на кадетях, поведение кадет во время богослужения, чтение молитв и прислуживание в алтаре.

Хорошо подогнанное обмундирование, щеголеватый вид кадет, внимательное и правильное отдавание кадетами уставной воинской чести приятно поражали горожан на улицах Тифлиса.

У генерал-лейтенанта Лайминга, посетившего Тифлисский кадетский корпус в декабре 1913 г. с инспекционной целью, также осталось от корпуса очень хорошее впечатление. Он отметил в целом здоровый вид кадет, их дисциплинированность и отличную строевую выправку, присущую офицерам – выходцам с Кавказа.

Кадеты были опрятно одеты и коротко острижены, в строю веели себя хорошо, соблюдая тишину и порядок.

С 30 декабря 1909 года носил имя Великого Князя Михаила Николаевича.

Корпус, в основном, комплектовался из малоинтеллигентной среды, в первый класс поступали мальчики без всякого домашнего воспитания, с дурными привычками, привитыми им в горных аулах и казацких станицах.

В заслугу воспитателям кадетского корпуса ставилось то, что уже в течение короткого времени мальчики приобретали цивилизный вид, постепенно отказывались от дурных привычек, начинали правильно говорить. В корпусе была хорошо налажена воспитательная работа.

Для детей, не получивших домашней подготовки, представляло большую трудность распределять свое учебное время при подготовке домашних заданий. Несмотря на то, что в приготовлении уроков кадетам ежедневно оказывали помощь офицеры-воспитатели, они не успевали готовить уроки и во многих случаях приходили на некоторые уроки не подготовленными. Основное время у кадет уходило на подготовку уроков по русскому языку и математике [5].

Несмотря на хорошо поставленную воспитательную работу в кадетском корпусе и строгие требования в отношении дисциплины, в корпусе имели место и ее нарушения. Самым большим злом в корпусе было курение. В корпус приходили мальчики, которые уже дома начинали курить, гордились этим и считали это своим большим достоинством. Отучить таких воспитанников от курения, несмотря на все строгости, было исключительно трудно.

В 1912 г. в связи с празднованием 100-летия Бородинской битвы в корпусе были проведены широкие мероприятия, цель которых состояла в патриотическом воспитании молодежи [6].

Вместе с тем генерал-лейтенант Лайминг с озабоченностью отметил существующие в корпусе проблемы со здоровьем кадет. Много хлопот медицинскому персоналу и воспитателям доставляли дети-уроженцы кавказского региона.

Большая часть из них страдала малярией и нуждалась в усиленном питании, в постоянном медицинском контроле и лечении. Ежегодно в корпусе отмечались 1-2 случая заболеваний брюшным тифом, причиной которых служила загрязненная питьевая вода.

В корпусе было много кадет, страдавших различными формами туберкулеза. Особенно тяжело протекала болезнь у кадет, больных легочной формой туберкулеза, и причиной этого были климатические условия, в которых находился город Тифлис. Констатируя проблемы со здоровьем воспитанников, генерал Лайминг с удовлетворением отметил прекрасно поставленное медицинское обслуживание в корпусе и хорошее оборудование лазарета.

Серьезной проблемой, в определенной степени, влиявшей на качество обучения кадетов, являлась жилищная проблема. Жилья в Тифлисе в то время строилось очень мало. Найти в городе квартиру на отпускаемые на эти цели деньги было очень трудно. Единственным решением этой проблемы было увеличение должностных окладов для оплаты жилья. Что и было сделано по рекомендации Лайминга.

В декабре 1913 г. в Тифлисском кадетском корпусе штатная численность продолжала оставаться в 350 воспитанников. Фактически в корпусе обучался 421 кадет, причем казеннокоштных воспитанников было 323 человека, своекоштных – 7, штатных стипендиатов – 37. Сверхштатные воспитанники в количестве 71 человека все были представителями кавказских национальностей.

По вероисповеданию воспитанники корпуса распределялись следующим образом: православных – 364, лютеран – 7, католиков – 4, мусульман – 30, армяно-григорианской веры – 16.

По происхождению: дети потомственных дворян – 246 человек, дети офицеров и чиновников – 157, потомственных почетных граждан – 6, дети лиц духовного звания – 7, купеческого звания – 1, дети иностранных подданных – 3. Уроженцев Кавказа было 134 человека [7].

Тифлисский корпус, практически, не мог удовлетворить потребностей офицерского состава строевых частей, военно-административного управления Кавказского военного округа в направлении мальчиков на учебу в кадетский корпус.

У государства не было возможностей для увеличения числа вакансий. В корпусе уже обучалось 37 стипендиатов. Само здание в Тифлисе было приспособлено только на 350 человек.

Главному управлению военно-учебных заведений и директору кадетского корпуса было тяжело устоять против того напора, какой оказывали на них родители в стремлении устроить своих детей на учебу в корпус.

Фактически директору давалось право брать на обучение воспитанников при наличии помещений для размещения принятых на учебу. Сверхкомплект в Тифлисском кадетском корпусе считался ненормальным явлением. По просьбе офицеров и чиновников Кавказского военного округа в 1914 г. было принято решение о строительстве здания для кадетского корпуса на 500 человек [8].

Заключение

Грузинские дворяне предложили Императору выделить 20 десятин земли под новое здание и строительство квартир для преподавателей и офицеров-воспитателей. Одновременно появилась идея об открытии в Тифлисе еще одного кадетского корпуса для малолетних уроженцев Кавказа.

Директорами гимназии и Тифлисского кадетского корпуса были:

- генерал-майор Н.Н. Острогорский (1871-1895)
- генерал-майор И.Д. Смирнов (1895-1899)
- генерал-майор А.П. Кичеев (1899-1902)
- генерал-майор И.Г. Соймонов (1902-1905)
- генерал-лейтенант И.П. Томкеев (1905-1916)
- генерал-майор С.С. Дурново (1916-1917).

Рис. 2. Жетон и погон кадета Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича кадетского корпуса

მთავარანგელოზის
ეკლესია

Рис. 3. Церковь во имя Святого Михаила Архангела в летнем лагере кадетов в урочище Манглис раньше и теперь

Примечания:

1. РГВИА, ф.725. оп. 53, д. 4014.
2. РГВИА, ф.1001, оп. 1, д.д.1808, 1433, 1377, 937.
3. Савельев А.И. Первые кадетские смотры. 1734-1737 гг. // Русская старина, 1890. Т. 66. № 5. с. 351-352.
4. Цитович Г. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание в 2-х частях, Пятиг. 1913. с. 403-404.
5. Полное собрание законов Российской империи, т. У11, 5705 и т. У111, 6645.
6. Тантуров Г. Свет и тени Кавказа. От Тифлиса до Парижа. М., 2000. 239 с.
7. Плеханов А.М., Попов А.А. Наследники Суворова. М., 2001. 280 с.
8. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700-1910. М., 1910. 192 с.

References:

1. RGVIA, f.725. op. 53, d. 4014.
2. RGVIA, f.1001, op. 1, d.d.1808, 1433, 1377, 937.
3. Savel'ev A.I. Pervye kadetskie smotry. 1734-1737 gg. // Russkaya starina, 1890. T. 66. № 5. s. 351-352.
4. Tsitovich G. Khramy armii i flota. Istoriko-statisticheskoe opisanie v 2-kh chastyakh, Pyatig., 1913, s. 403-404.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, t. U11, 5705 i t. U111, 6645.
6. Tanturov G. Svet i teni Kavkaza. Ot Tiflisa do Parizha. M., 2000. 239 s.
7. Plekhanov A.M., Popov A.A. Nasledniki Suvorova. M., 2001, 280 s.

8. Grekov F.V. Kratkii istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii. 1700-1910. M., 1910. 192 s.

УДК 94

К вопросу об истории создания в Тифлисе кадетского корпуса

¹ Мамука Гогитидзе

² Ия Шиукашвили

¹ Национальный университет им. Шота Руставели, Грузия
Доктор исторических наук, полковник

² Телавский государственный университет им. Якоба Гогешашвили, Грузия
Главный специалист отдела международных отношений

Аннотация. В статье обсуждается вопрос создания в Тифлисе кадетского корпуса. Тифлисский кадетский корпус был основан в 1882 г. на базе военной гимназии, существовавшей в Тифлисе с 1875 г.

Еще в 1827 г. офицеры и чиновники, проходившие службу в Закавказье, выступили с ходатайством перед Николаем I об учреждении в г. Тифлисе кадетского корпуса на 150 воспитанников.

Авторы отмечают, что серьезной проблемой, в определенной степени, влиявшей на качество обучения кадетов, являлась жилищная проблема. Жилья в Тифлисе в то время строилось очень мало. Найти в городе квартиру на отпускаемые на эти цели деньги было очень трудно. Единственным решением этой проблемы было увеличение должностных окладов для оплаты жилья. Что и было сделано по рекомендации Лайминга.

Ключевые слова: Тифлисский кадетский корпус, образование, военная гимназия, воспитанники.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

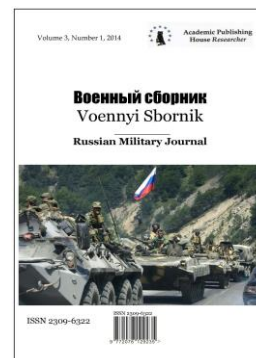
Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 12, Is. 2, pp. 72-78, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.72

www.ejournal6.com

UDC 94(450).06

Reference to Galery

Yuri F. Katorin

State university of the sea and river fleet of the name of the Admiral S.O. Makarov,
Russia Federation
198035 Saint Petersburg, Dvinskaya Str., 5/7
Dr. (Military), Professor
E-mail: katorin@mail.ru

Abstract

In the article it is told about some aspects of the application of military rowing vessels, composition and rules the formation of the command of rowers, special features of the organization of their work on bringing of ship into the motion, is analyzed the influence of the practice of use reference to gallery of the condemned criminals to entire legislation of this country.

Keywords: the rowing fleets, the gallery, the rower, the convicts, the laves, the prisoner of war, oar, justice, reference to gallery.

Введение

В Италии, Франции, Испании и ряде других стран Средиземноморья в XIV–XVII веках широко практиковалась ссылка на определенный срок преступников в качестве гребцов на боевые галеры. Туда же отправляли и военнопленных, за которых нельзя было получить выкуп, или произвести обмен. Другие виды наказания применялись редко. Если верить приключенческой литературе или голливудским боевикам, то галерные рабы подвергались на этих судах страшным издевательствам: их унижали, морили голодом и постоянно избивали. Однако анализ исторических реалий позволяет немного пересмотреть этот «душещипательный» стереотип.

Материалы и методы

В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, пользуясь методом историко-сравнительного анализа, стремится к научной объективности, непременным условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма. Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Обсуждение

Ссылка на галеры не была чьей-то прихотью, или выдумкой для создания «веселой жизни» для осужденных. Применение весел было вынужденной мерой, ибо парусники в Средние века были еще очень несовершенны и из-за плохой маневренности не годились

для боя. Специалисты единодушны в том, что из всех кораблей, употреблявшихся в военных флотах всех наций, галера – самый совершенный тип гребного судна. Переходя из века в век, она, подвергаясь, конечно же, улучшениям, долгое время являлась единственным боевым кораблем, который знали флоты многих стран.

Рис. 1. Французская галера XVI века

Однако во все времена для достижения высокой скорости весел у галеры было очень много (до 40–45 на борт), и каждое ворочали 5–7 человек, поэтому порядка 80 % команды судна составляли гребцы. В Италии их называли шиурма (chiourme) [1, 2].

Состав гребцов не был однороден. Венецианский историк XVI века капитан Г. Пантеро-Пантера писал: «Шиурма состояла из трех разрядов людей: каторжников, невольников и добровольцев, отличавшихся по своему внешнему виду» [3].

Каторжники – лица, приговоренные судом на некий срок к галерной службе за какое-нибудь преступление. Они были постоянно прикованы за одну ногу, никогда не спускались на берег и не обладали никакими правами, так как находились вне закона. Им брили голову, усы и бороду. Ежедневная их пища состояла из сухарей и воды. Суп давали в море через день, на берегу ежедневно [3].

Невольники – турки и мавры, как правило, из тех, кого взяли в плен с захваченных судов, потому, что они уже были привычны к морской жизни, и лишь иногда их покупали на невольничьем рынке. Они также заковывались в цепи и не имели никаких прав. Кормили их одинаково с каторжниками. Брали преимущественно людей разных национальностей, чтобы не могли сговориться о восстаниях. Невольникам оставляли пучок волос на темени. Однако в мирное время поступление на галеры невольников практически прекращалось [3].

Рис. 2. Гребец-невольник. Рисунок Аннибале Карраччи, 1585

Добровольцы – лица, по каким-то причинам работавшие за жалование. Им тоже брили голову, оставляя для отличия бороду и усы. Как правило, на галеру нанимались разочаровавшиеся в жизни бедняки, бродяги, нищие, заключенные, отбывшие срок наказания, но не нашедшие себе места из-за своего прошлого. На ночь они приковывались, но днем свободно передвигались по галере. Добровольцы, а иногда и невольники свозились на берег для переноски припасов, но всегда ходили под конвоем. Добровольцы считались лучшими людьми из шиурмы, поэтому командиры галер всегда старались приобрести их для службы, но, увы, желающих было очень мало. Во время боя их обычно вооружали, и, поскольку настоящих солдат на галерах было совсем немного, они при abordage часто способствовали победе. Два первых разряда одевали за счет правительства, а добровольцы шили одежду из жалования (кстати, относительно высокого), и питались за свой счет вместе с экипажем [3, 4].

Условия существования гребцов на тесной галере были крайне тяжелыми. Почти все время они сидели на специальных скамьях (банках), которые ставились под некоторым углом к килю и были шириной в 30–40 см. Расстояние между банками – до 1,2 м. Ноги гребцов упирались в специальные плоские брусья, возвышавшиеся над палубой, для того, чтобы уберечь ноги от воды, заливавшей палубу галеры в свежую погоду. Именно к этим брусьям и приковывали гребцов одной ногой, а не к веслам, как поется в известной песне В.С. Высоцкого, ибо весла при движении под парусами убирались [4].

По бортам между банок устраивали рундуки (ящики), на крышках которых команда спала в свободное время. Ширина рундуков была около 60 см. Как правило, над палубой расстилался легкий тент для защиты гребцов от солнечных лучей и дождя [3].

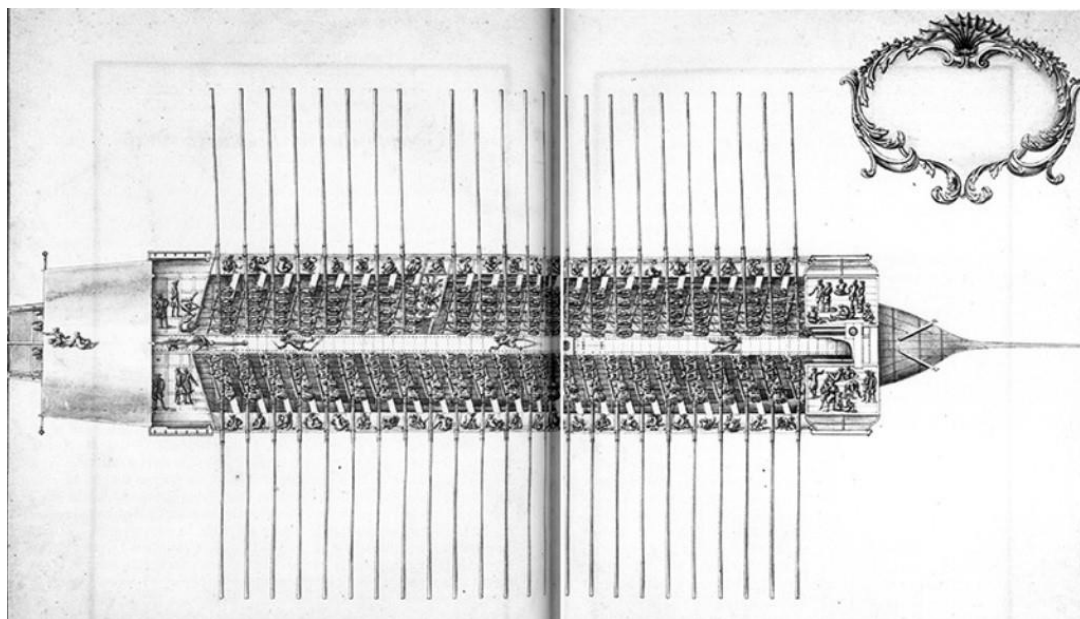

Рис. 3. Расположение гребцов на галере

Наиболее характерная деталь средневековой галеры, резко отличающая ее от древней триремы, — это возведенная на ее палубе широкая платформа для гребцов, на внешний продольный брус которой — аутригер — опирались весла. Банки гребцов выходили за пределы корпуса и были доведены почти до самого аутригера. Такое решение позволяло совместить широкие, вмещающие на поздних образцах до 6–8 гребцов, скамьи-банки, с узким, создающим небольшое сопротивление при движении корпусом. Но для такой конструкции были свойственны и некоторые недостатки, главным из которых была плохая защита экипажа от непогоды и метательных снарядов: даже на больших галерах все гребцы располагались совершенно открыто, как на обычной гребной лодке [2].

Скорость галеры достигала 7–8 узлов при форсированной гребле, и 5–6 узлов при дальних переходах. При этом на концы весла сажали наиболее сильных людей, из них два самых опытных и ловких сажались побортно на два первых весла от кормы, это были загребные. Как правило, на эту должность подбирались добровольцы, особенно ценились каторжники, отбывшие свой срок, но еще на некоторое время оставшиеся на галере немного подзаработать. Командиры галер делали им отличия, иногда даже приплачивали из своего кармана или давали награды [5].

Результаты

А теперь несколько слов о человеке, из которого книги и фильмы обычно делают главного злодея. Это комит (лат. Comes) у итальянцев или альгвазил (alguacil, от араб. al-wazir — чиновник) у испанцев — начальник шиурмы. Он смотрел, все ли выбриты и прикованы, заботился о заготовке воды и топлива, наблюдал и днем и ночью за порядком службы матросов и поведением шиурмы. Комит был вместе с тем и палачом, состоял на жаловании, получал офицерский рацион, хотя и не ел за офицерским столом, ибо по происхождению относился к «низам» [3, 6].

В море комит всегда находился в кормовой части, рядом с капитаном, для получения от него приказаний. Два подкомита (помощника) стояли на помосте между рядами гребцов один в середине, а другой на носу судна, вооруженные плетью. Когда капитан приказывал начать греблю, комит давал об этом знать, дую в серебряный свисток. Этот сигнал повторяли подкомиты. В процессе гребли свистом, впрочем, не только им, если кто пытался сачковать, поддерживался требуемый темп. Кто не успевал в ритм — получал по спине не только хлыстом от подкомитов, но затем еще и веслом от сидящего сзади гребца. Впрочем, все прекрасно понимали, что удар, обрушивающийся на несчастного, выбившегося из

ритма, был лишь первым предупреждением, за которым мог последовать удар саблей по голове, и тело убитого летело за борт [3, 6].

Так как от равномерности работы веслами зависел ход галеры, то часто брали музыкантов, обязанных держать такт. Часто они подбирались (до 8 человек) из шиурмы: хорошая музыка была престижной, считалась щегольством, поэтому капитан ценил музыкантов и отпускал им улучшенное содержание. Но помимо услаждения тщеславия командира, часть музыкальной команды выполняла очень важную функцию на галере. Ударные инструменты составляли слаженный ансамбль, задающий ритм гребной команде, а трубачи и горнисты подавали команды и сигналы [2].

Много писалось и в то время, но особенно позже, о нечеловеческой доле галерников, однако картина голодных, забитых до полусмерти надсмотрщиками галерных рабов, по здравому размышлению, должна быть немного пересмотрена. Несомненно, галерное наказание было жестоким. Несомненно, число смертей от перенапряжения, тепловых ударов и, прежде всего, от воспаления легких было велико, так как низкосидящие галеры сильно заливало, и ничем не защищенные гребцы промокали до нитки. Но все другое едва ли соответствует правде. Питание, безусловно, было скверного качества, но количество еды вряд ли было недостаточным, иначе прикиньте, что может наработать на веслах полуголодный человек? [7].

Рис. 4. «Стимулирование» подкомитом гребцов на турецкой галере

Действительно подкомиты без колебания пользовались плетью. Но, однако, и здесь встает вопрос: на что годится избитый до полусмерти человек? Конечно, бывали исключения, но в основной массе капитаны (обычно аристократы) были достаточно умны, чтобы понять простую истину – истощенный и покалеченный человек не будет полноценным гребцом, а от гребцов в бою зависит жизнь всего экипажа. В свою очередь, и гребцы четко понимали, что гибель галеры означает для них верную смерть, ибо они были прикованы к банкам. В лучшем случае они становились гребцами на судне победителя. Правда, для военнопленных оставалась некая надежда, что они попадут к своим соотечественникам [3].

Но самое главное, что следует отметить – традиция использования на галерах осужденных преступников имела большое воздействие на все законодательство данной страны. Если сравнить количество казней в Германии или Англии с Францией или Италией, то можно установить, что в «галерных» странах оно было гораздо меньше. Если к этому добавить, такие жестокие наказания, как отрубание рук или ног, то разница будет еще более значительная. Поэтому возможность использования труда осужденных со смыслом в какой-

то степени предохранила в Средние века страны Средиземноморья от введения слишком жестокой и кровавой юстиции [7].

Интересный факт – на русских галерах команды гребцов формировались лишь из солдат и нанятых «работных людей», привлекались даже гвардейцы. Такой экипаж позволял действовать гребному флоту гораздо активнее, смелее и полностью использовать преимущества этого типа судов. Французский посол в России маркиз Жоакен Шетарди (Jacques-Joachim Trotti marquis de la Chétardie; 1705–1759) вынужден был признать, что «Петр Великий сумел внушить находившимся в его распоряжении войскам мысль о почете, связанным с должностью, обыкновенно выполняемой каторжниками. Даже гвардейцы считали для себя оскорблением не участвовать в гребле на перевозящей их галере, из чего проистекает, что галера, обычно у нас содержащая немного воинов, высаживает, пристав к берегу от 400 до 500 вооруженных людей» [8, 9].

Рис. 5. Постройка русских галер

Постройка галер в Петербурге началась в 1713 году, на месте современного Адмиралтейства. Всего в царствование Петра Великого было построено около 200 галер и скампавей. Для содержания в порядке галерного флота в 1721 году начата была постройка на Васильевском острове Галерной гавани. Притом, первыми галерами командовали гвардейские офицеры, даже сам царь в Азовском походе принял на себя командование галерой «Принципиум» [9].

Заключение

Конечно, было бы преувеличением говорить о гуманности «средиземноморского» правосудия, ибо, несомненно, галерное наказание было очень строгим, но все-таки осужденным давался некий шанс. После отбытия срока человек становился свободным и мог начать новую жизнь «с чистого листа», что жертвам жестокой юстиции северных стран было заказано. Имеются достоверные исторические примеры, когда бывшие галерники достигали почета и богатства [2].

При не слишком большом сроке наказания выжить в «галерной» ссылке было вполне реально, ибо нельзя сказать, что гребцы работали без отдыха. Все весла использовали только в бою, или при выходе из порта, а в остальных случаях гребцы делились на три смены. В этой ситуации было три пары загребных. Основная пара сидела на кормовых веслах, вторая примерно на треть ширины от кормы, а третья – на треть от носа. Только при крайней необходимости использовалась гребля всем составом без отдыха по несколько часов. В этом случае подкомиты и матросы, в буквальном смысле слова «с рук», подкармливали гребцов хлебом, смоченным в вине. Особый, усиленный рацион выдавался перед боем и в бою. Тогда запасы вина, хлеба, сыра, фруктов заранее выставлялись прямо перед гребцами [3].

Примечания:

1. Guilmartin, John F. Galleons and galleys. London. Cassel and Co., 2002. 224 с.
2. Боголюбов Н.П. История корабля. Тома I. СПб.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1880.
3. Мондфельдт, Вольфрам. Галеры от Средневековья до Нового времени. СПб., М.: Полигон, АСТ, 2000. 112 с.
4. Каторин Ю.Ф., Волковский Н.Л. История корабля. От гребного флота Древнего мира до наших дней. М.: АСТ, 2010 686 с.
5. Энциклопедия кораблей /Под ред. К. Маршала. СПб.: «Полигон», 1997. 620 с.
6. Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и океана. М.: Новелла, 1991. 368 с.
7. Копелев Д.Н. Золотая эпоха морского разбоя (пираты, флибустьеры, корсары). М.: Остожье, 1997. 496 с.
8. Самойлов К.И. Морской словарь. М. Л.: Государственное Военно морское Издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. 368 с.
9. Елагин С.И. История русскаго флота. Періодъ Азовскій. Санкт-Петербург: Типография Гогенфельдена, 1884.

References:

1. Guilmartin, John F. Galleons and galleys. London. Cassel and Co., 2002. 224 с.
2. Bogolyubov N.P. History of ship. Tom I. St. Petersburg: type. L.F. Snegireva, 1880.
3. Mondfeldt, tungsten. Galery from the middle ages to the new time. St. Petersburg, M.: Range, AST, 2000. 112 s.
4. Katorin YU.F., Volkovskiy N.L. History of ship. From the rowing fleet of ancient peace to our days. M.: AST, 2010. 686 s.
5. Encyclopedia of ships. /edited by. K. Marshal. St. Petersburg: "Range", 1997. 620 s.
6. Arkhengolts f. History of the marine robbers of the Mediterranean and ocean. M.: Short story, 1991. 368 s.
7. Kopelev d. N. Gold epoch of sea robbery (pirates, flibustery, corsairs). M.: To ostozhe, 1997. 496 s.
8. Mondfeldt, tungsten. Galery from the middle ages to the new time. St. Petersburg, M.: Range, AST, 2000. 112 s.
9. Samoilov K.I. Sea dictionary. M. L.: State military sea publishing house NKVMF of the union of SSR, 1941. 368 s.

УДК 94(450).06

Ссылка на галеры

Юрий Федорович Каторин

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация
198035 Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о некоторых аспектах применения военных гребных судов, составе и правилах формирования команды гребцов, особенностях организации их работы по приведению корабля в движение, анализируется влияние практики использования на галерах осужденных преступников на все законодательство данной страны.

Ключевые слова: гребные флоты, галера, гребец, каторжник, раб, военнопленный, весло, юстиция, ссылка на галеры.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 12, Is. 2, pp. 79-99, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.79

www.ejournal6.com

UDC 94(497.5)

The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is analyzed the report of the Russian agent in Vienna F.F. Tornau about the situation in the Militärgrenze in 1864, and based on it the report of the officer of the General Staff N.I. Krasnov about the financial ineffectiveness of irregular troops. The author concludes that by 1864 the Austrian Government understood the need for reform of the Militärgrenze. A opposite view, common in Russian historiography, based on incomplete information and is not quite correct. The article also shows that N.I. Krasnov first pointed to the similarity of processes at the Militärgrenze, and in the Don Host Oblast in 1860.

Keywords: Grenz infantry, Cossacks, Military settlement, the Austrian Empire, F.F. Tornau, N.I. Krasnov.

Введение

Нельзя сказать, чтобы история Военной Границы была вовсе не раскрыта в отечественной историографии, однако интерес российских авторов к этой интереснейшей военно-социальной институции носил весьма своеобразный характер. Историки обычно обращались к прошлому граничар как к составной части более обширных сюжетов, обычно связанных с национальной историей южных славян. В частности, единственная монографическая статья о пограничных полках в советскую эпоху была написана В.И. Фрейдзоном, специалистом по истории Хорватии [1]. В постсоветский период намечился определенный интерес исследователей к сербской составляющей населения Военной Границы, и вообще связям граничар с Сербией. Небольшой раздел на эту тему содержит книга Ю.В. Костяшова «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке» [2], можно отметить и статьи указанного автора, посвященные аналогичной проблематике [3]. В 2009 г. М.В. Нигалатий защитил диссертацию «Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в.», в которой подробно рассматривалась история перехода части граничар-офицеров на службу в сербскую армию [4]. Наконец, некоторые эпизоды истории Военной Границы рассматривались в связи с созданием Новой Сербии в работах А.Н. Кирпичонка [5].

Из этого перечисления видно, что, несмотря на внимание к сербскому сюжету, единственной работой, специально посвященной Военной Границе как целостному институту, остается изданная в 1960 г. статья В.И. Фрейдзона. Историк продолжал исследование данной тематики и в дальнейшем, и его «История Хорватии» позволяет проследить за развитием пограничных полков от их создания до ликвидации [6]. Однако подход с точки зрения национальной истории Хорватии обуславливал интерес автора в первую очередь к политической и экономической составляющей, при минимальном внимании к составляющей военной.

Более того, обратившись к фондам Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), с которыми работал и В.И. Фрейдзон, мы убедились, что позиция российского историка часто не совпадает с изложенным в документах. В этом нет ничего удивительного, поскольку современники описывали ситуацию на Военной Границе настолько по-разному, что совместить их утверждения в одной обобщающей работе представляется невозможным. Диапазон представлений о граничарах колебался от верных и преданных слуг Австрийской империи (в материалах российской периодической печати [7-8]) до возможной пророссийской вооруженной силы в тылу Габсбургов (записки Б. Каталинича [9]).

Между тем сами мнения современников о Военной Границе, в том числе и противоречивые, и неподтвержденные, представляют существенный интерес. В фондах РГВИА отложились не абстрактные документы, а главным образом материалы разведки, к которым проявлял интерес лично Д.А. Милютин [10]. Даже содержащиеся в них ложные утверждения могли оказывать определенное влияние на русскую политику в отношении Австрии. При этом информация, содержащаяся в донесениях разного рода русских агентов зачастую почти не проверяема: в особенности это относится к слухам и конфиденциальным сообщениям австрийских политиков и генералов, которые могли быть сильно преувеличены или вовсе выдуманы авторами в личных целях.

Поэтому мы решили исследовать не только устройство Военной Границы накануне ее ликвидации, но и то, какой эта институция представлялась современникам из России. Какая проблематика в наибольшей степени интересовала отечественных военных, каким вопросам они уделяли основное внимание? Мы рассмотрим и военно-периодическую печать, и монографии российских офицеров о современных им европейских армиях, но наиболее интересными нам представляются работы трех ярких личностей, для которых обращение к граничарской тематике не было случайным. Речь идет о Ф.Ф. Торнау, известном русском военном писателе, Н.И. Краснове, авторе первого статистического исследования Земли Войска Донского, и Б. Каталиниче, бывшем офицере австрийской армии, перешедшем на русскую службу.

Материалы и методы

Большая часть материалов Ф.Ф. Торнау и Б. Каталинича о пограничных полках хранится в РГВИА, в фонде 428, посвященном Австро-Венгрии (а так же Австрийской империи и вообще владениям Габсбургов с XVII в. включительно). Нужно отметить, что период 1850-1870 гг. представлен там куда полнее, чем последующий и предыдущий. Однако большая часть дел представляет собой совокупность отчетов военных агентов за предшествующий год, и выявление среди них документов о пограничных полках требует кропотливой работы, особенно с учетом французского и немецкого языка некоторых текстов. На этом фоне выделяется труд Б. Каталинича, специально посвященный граничарам [11].

К сожалению, из-за специфической системы формирования дел, многие ценные источники по истории пограничных полков оказались в других фондах. Так, возможно, наиболее общая записка Ф.Ф. Торнау о Военной Границе была обнаружена специалистом по истории казачества при изучении фонда Главного управления казачьих войск (ф. 330) [12]. Там же находится и исследование Н.И. Краснова, в котором уделено внимание сходству между казаками и граничарами [13]. Составленное Б. Каталиничем описание ситуации в южнославянских землях, в том числе и в интересующем нас регионе, хранится среди документов о Болгарии (ф. 430) [14]. Отметим, что последняя работа опубликована, в отличие от всех остальных [15].

При исследовании этого достаточно обширного пласта документов мы будем использовать историко-сравнительный и историко-биографический методы. Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснов к моменту написания своих трудов о граничарах были сложившимися людьми, авторами целого ряда книг и статей, в которых нашли отражение их симпатии и антипатии [16-17]. Важнейшие книги этих авторов привлекали внимание позднейших исследователей, в том числе и в связи с вопросами о степени достоверности содержащейся в них информации [18]. Используя эти источники, мы уделим существенное внимание анализу личностей Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснова, чтобы понять, как именно их субъективное восприятие сказывалось на создаваемой в их работах картине Военной Границы.

Сложнее обстоит дело с Б. Каталиничем, наследие которого, судя по всему, ограничивается указанными выше материалами о южных славянах в 1860 гг. и несколькими письмами. М.В. Нигалатий попытался охарактеризовать личность бывшего австрийского офицера на основании этих источников, а так же послужных списков, однако его работу, ценную в фактографическом отношении, трудно назвать убедительной [19]. Между тем в трудах Б. Каталинича, на наш взгляд, информация о Военной Границе подвергалась искажениям, более значительным, чем в работах других авторов. Чтобы объяснить эти искажения, мы так же попытаемся применить биографический подход, однако из-за недостатка сведений, объясняющих отдельные события весьма бурной биографии граничара, мы будем вынуждены в некоторых местах делать предположения, носящие историко-реконструктивный характер.

Так же мы будем широко применять историко-системный метод, поскольку и Ф.Ф. Торнау, и Н.И. Краснов и Б. Каталинич рассматривали Военную Границу не изолированно, а как часть чего-то большего. При этом каждый из авторов по-своему расставлял акценты. Ф.Ф. Торнау граничары интересовали как важная часть австрийской армии, и, следовательно, одна из составляющих габсбургской империи в целом. Для Н.И. Краснова пограничные полки были одним из поселенных войск, своеобразным австрийским аналогом российского казачества. Наконец, Б. Каталинич считал Военную Границу потенциальной ударной силой панславянского движения. Чтобы понять обоснованность этих мнений, мы будем использовать литературу о прошлом югославянских народов под властью Вены [20], о ситуации в Донском войске в 1860 гг. [21-24] и о взаимоотношениях российских властей с панславянскими активистами [25].

Публикации 1860 гг. в военной периодике, в той или иной степени затрагивающие пограничные полки, так же содержат интересную информацию. Правда, она далеко не всегда достоверна, и в некоторых случаях характеризует скорее представление русских офицеров об экзотической для них Военной Границе, чем реальное положение дел на ней. Важное исключение составляют обзоры ежегодных военных бюджетов Австрийской империи, в которых особой строкой проходят расходы на граничар [26]. Изучение этих материалов позволяет уточнить немаловажный вопрос о финансовой составляющей существования пограничных полков.

Остается констатировать, что российские источники о Военной Границе накануне ее ликвидации достаточно многочисленны и разнообразны. Но они не складываются в единое целое, противоречат друг другу, а зачастую и позднейшим исследованиям, а иногда выглядят просто неправдоподобными. Мы попытаемся в конце своей работы на их основании охарактеризовать военное устройство пограничных полков в 1860 гг., тем более, что по этому вопросу работы авторов, живших в Австрии, содержат мало расхождений. Однако до этого имеет смысл проанализировать яркие и субъективные работы Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова и Б. Каталинича со всеми их непроверяемыми и сомнительными утверждениями, тем более, что первые два автора оставили свой след в истории России. В конце концов, мы имеем дело со свидетельствами современников, и даже то, что кажется нам их личной оценкой, заслуживает вовлечения в научный оборот.

Обсуждение

В 1856 г. российским военным агентом (военным атташе) в Вене был назначен барон Федор Федорович Торнау. Участник Кавказской войны, исследовавший Кавказ под видом горца и два года проведенный в плену, в настоящее время он наиболее известен своими «Воспоминаниями кавказского офицера», недавно переизданными. Между тем связь его

с Австрией оказалась не менее прочна, чем прежде с Кавказом: он занимал должность в посольстве почти 20 лет, до 1873 г., а после отставки в 1875 г. поселился под полюбившейся ему Веной [27]. Оставил он и записки о своей деятельности в Австрийской империи, к сожалению, охватывающие только первые пять лет службы [28].

Неординарный человек, генерал Ф.Ф. Торнау весьма своеобразно относился к своим обязанностям. Хотя последние заключались в добыче сведений о армии чужого государства, то есть в легальном шпионаже, он не был похож ни на шпиона, ни на дипломата. Последних он терпеть не мог, считая, что они уделяют слишком много внимания несущественным протокольным мелочам [29]. Получив в Санкт-Петербурге подробные инструкции для военных агентов, Ф.Ф. Торнау немедленно «забыл» о них по прибытию в Вену, считая, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Он не скрывал, что значительнейшую часть информации черпает из открытых источников, в частности из свободно продающихся уставов и книг об организации австрийской армии. Вообще русский военный агент верил в существование товарищества между военными разных стран, и полагал, что нужно исполнять свои обязанности честно и уважать австрийских коллег, даже если из-за этого страдают интересы России [30]. И действительно, в отчетах Ф.Ф. Торнау нам не встречалось никакой информации, которая носила бы явно секретный характер, зато он исправно посылал в Военное Министерство оказывавшиеся весьма ценными новые образцы вооружения и уставы австрийской армии [31].

К началу венского этапа своей биографии русский военный агент был опытным разведчиком, с самой лучшей стороны проявившим себя на Кавказе. По мнению авторитетного абхазского ученого Г.А. Дзидзари, Ф.Ф. Торнау помогал в сборе сведений «тонкая наблюдательность» и «большая эрудиция» [32]. Но даже обладающий этими качествами человек в чужой стране не был застрахован от ошибок. Иногда они носили откровенно анекдотический характер: например, в целом объективно описывая положение рабов в Абхазии, будущий генерал называл их «агыруа» (термин, означающий малочисленную категорию крепостных крестьян), в то время как «настоящие» рабы назывались «ахашвала». Сюжет о том, как соотносилось реальное положение дел в Абхазии и его отражение в текстах Ф.Ф. Торнау был подробно исследован Н.А. Трапшем. Современный историк показал, что в целом записки разведчика отражали положение дел в регионе, однако в некоторых местах стремление автора к объективности вступало в противоречие с «официальными представлениями, оказывавшими серьезное влияние на индивидуальное мировоззрение армейского офицера», что приводило к противоречиям и в тексте. В других местах Ф.Ф. Торнау преувеличивал значение реальных, но второстепенных факторов, например, связывая некоторые моменты антироссийских движений с исламом и деятельностью турецких агентов, с чем современная наука не согласна [33]. Эти особенности трудов генерала следует учитывать и при работе с той частью его наследия, которая посвящена Австрийской империи.

К сожалению, в своих воспоминаниях Ф.Ф. Торнау мало затрагивал специальные военные вопросы, считая, что детали организации реформированных с тех пор австрийских вооруженных сил не представляют какого-либо интереса [34]. Но на некоторых местах из мемуаров русского военного агента имеет смысл остановиться подробнее, прежде чем перейти к анализу его отчетов о Военной Границе, поскольку в них содержатся различные оценочные суждения, касающиеся граничар.

За годы пребывания в Вене у Ф.Ф. Торнау сложилось свое, весьма неортодоксальное мнение по поводу австрийской внутренней политики. Он идеализировал период до революции 1848 г., полагая, что тогда народы империи пользовались относительным равноправием, и конфликтов между ними почти не было. Вину за обострение национального вопроса генерал возлагал исключительно на австрийское правительство, пытавшееся использовать его в своих целях [35]. Сами же народы, включая не только славян, но и венгров, российский военный агент рассматривал как жертв близорукой правительственной политики, сделавшей межнациональную рознь повседневностью [36]. Таким образом, он фактически игнорировал исторические противоречия между различными национальностями, считая их искусственно раздутыми Веной. Человек обостренного чувства чести, Ф.Ф. Торнау признавал, что с южными славянами обошлись «обидно двусмысленно»: несмотря на то, что во время революции они остались безусловно

преданными правительству, а Военная Граница выставила на защиту прежних порядков почти все способное держать оружие население, после завершения военных действий к ним применили те же унижительные полицейские меры и политику германизации, что и к Венгрии [37]. Именно этими факторами он объяснял недовольство южных славян, не упоминая о том, что одним из требований собравшейся в Загребе в 1848 г. великой народной скупщины было воссоединение всех южнославянских земель в составе Австрийской империи, и граничары рассчитывали, что в благодарность за их службу это требование будет выполнено [38]. Остается констатировать, что Ф.Ф. Торнау, с одной стороны, явно считал, что за свою преданность граничары достойны большей благодарности, чем проявило правительство, а, с другой, полагал, что их национальные интересы ограничиваются защитой сложившегося статус-кво.

Русский военный агент лично не видел сражения под Сольферино, однако много слышал о нем и вообще о австро-франко-итальянской войне 1859 г. от своих иностранных коллег. Австрийскую армию в целом он оценивал достаточно высоко, в некоторых отношениях даже выше победившей французской, однако указывал на существенную разницу в боеспособности полков, составленных из людей различных национальностей. Ниже всего он ставил именно граничар: Ф.Ф. Торнау со ссылкой на очевидцев утверждал, что «кroatские пограничные полки хорошо дрались за прикрытием, плохо в чистом поле», где неприятельский огонь легко вносил беспорядок в их ряды. Подобную относительно низкую боеспособность генерал не связывал с антиавстрийскими настроениями в частях. Напротив, он высоко отзывался о храбрости большинства австрийских солдат, независимо от национальности [39]. Судя по всему, Ф.Ф. Торнау видел причины падения боеспособности граничар в другом: в его отчетах организация Военной Границы предстает как нечто крайне архаичное и малоэффективное, нуждающееся в немедленной реформе [40].

Отдельного внимания заслуживает отношение Ф.Ф. Торнау к разного рода панславистским движениям. Честный и прямой человек, барон с уважением относился к Францу-Иосифу и был очарован его женой, императрицей Елизаветой [41]. Напротив, его отношения с русским послом в Вене, В.П. Балабиным, складывались крайне напряженно. Последний сотрудничал с различными антиимперски настроенными деятелями: Э. Кватерник, в 1871 г. пытавшийся поднять восстание на Военной Границе, называл русского посла «другом» в своем дневнике [42]. Ф.Ф. Торнау находил подобное поведение крайне некорректным, а действия венского двора, дошедшего до фактического бойкота русских дипломатов, рассматривал как оправданную и закономерную реакцию на неуместную активность В.П. Балабина [43]. Русский военный агент в Вене не разделял распространенного мнения о крайней внутренней нестабильности Австрийской империи и считал не только непорядочным, но и политически неверным поддерживать направленные против нее панславянские движения. Ф.Ф. Торнау писал: «Все народы главным образом живут привычкой, и австрийские народности, какого бы племени ни были, привыкли знать над собой дом Габсбургов, и не на шутку задумаются подчинить себя другой, незнакомой им власти – хуже может выйти» [44].

Итак, в период непосредственно перед ликвидацией Военной Границы пост российского военного агента в Вене занимал человек исключительной личной честности, неприязненно относящийся ко многим аспектам австрийской политики, сочувствующий угнетаемым народам, но при этом чуждый панславистским движениям. Ф.Ф. Торнау понимал, что Военная Граница заслуживает награды за события 1848 г., но достаточно скептически относился к ее современной боевой ценности. Наконец, в силу человеческой порядочности и симпатии лично к австрийской царствующей чете (но не к венскому правительству), российский генерал избегал собственно шпионской деятельности и черпал информацию в основном из открытых источников и доверительных разговоров с иностранными коллегами. В то же время он был опытным разведчиком, эрудированным и наблюдательным человеком. Более того, его эрудиция носила не общий, а специальный характер: барон основательно изучал литературу по интересующим его предметам [45]. Как мы увидим ниже, все эти факторы оказали существенное влияние на его отчеты.

Несмотря на специфический стиль работы, деятельность Ф.Ф. Торнау на посту военного агента в Вене была достаточно успешной и плодотворной, о чем свидетельствует уже срок его пребывания в данной должности. Наблюдательность и эрудиция сослужили

генералу добрую службу: донесения российского военного агента содержали информацию по самым различным аспектам организации австрийской армии, в том числе и пограничных полков [46]. На наш взгляд, деятельность Ф.Ф. Торнау в Вене заслуживает отдельного исследования, а его отчеты представляют собой интереснейший источник по истории австрийской армии. Но в рамках данной статьи наиболее важен небольшой документ 1864 г., специально посвященный Военной Границе [47].

Любопытна уже его преамбула. Ф.Ф. Торнау начал не с военной, а с экономической оценки института пограничных полков, отметив, что чрезвычайно плодородные земли в долинах Савы и Дуная лежали необработанными, и Австрийская империя получала ничтожную пользу от тех «источников благосостояния», что находились во владениях граничар. Развивая данную мысль, российский военный агент утверждал, что к 1864 г. Вена считала необходимой реформу Военной Границы не только по политическим и национальным соображениям, но и, прежде всего, в силу экономического фактора [48].

В немногочисленных российских работах, затрагивающих процесс ликвидации Военной Границы, описывается совершенно иная позиция имперских властей. В частности, в книге В.И. Фрейдзона австрийское правительство выступает в качестве одной из основных сил, препятствовавших демилитаризации [49]. Статья А.М. Дронова, посвященная проектам переустройства организации граничар, касается исключительно предложений хорватских и сербских политических деятелей, но не австрийских военных чиновников [50]. Между тем, согласно отчету Ф.Ф. Торнау, австрийский генералитет уже к 1864 г. был уверен, что коренная реформа Военной Границы представляет собой только вопрос времени. Правда, оставалось нерешенным, будет ли заключаться эта реформа в полной демилитаризации пограничных полков, или имперские власти попытаются как-то модернизировать существующую систему, встраивая ее в конституционное государство и современную армию. Однако многие военные склонялись именно к первому варианту действий, предполагая, что в случае обращения граничар в гражданское положение доходы с их земель резко возрастут, что позволит на эти деньги содержать эквивалентное количество регулярных войск. Единственной причиной, по которой данная реформа не начала широко обсуждаться, Ф.Ф. Торнау называл сепаратистские настроения в Венгрии, естественным противовесом которым служило сохранение в неприкосновенности участвовавших в подавлении венгерской революции 1848-1849 гг. пограничных полков [51].

Насколько можно доверять отчету русского военного агента? Его успешная деятельность при весьма своеобразном стиле работы в значительной степени была связана с тем, что по существу проавстрийская позиция поставила Ф.Ф. Торнау в совершенно особое положение при венском дворе. Даже в 1862 г., когда охлаждение между двумя империями достигло максимума, генерал сохранял хорошие отношения с Францем-Иосифом, и имел больше возможностей общаться с ним, чем полномочный посол, В.П. Балабин [52]. С некоторыми представителями австрийского генералитета, в частности, с фельдмаршал-лейтенантом К. Морингом, русского военного агента связывала близкая дружба [53]. На наш взгляд, не стоит недооценивать значение подобных личных симпатий. Безусловно, Ф.Ф. Торнау мог сильно преувеличить желание австрийских властей приступить к немедленному реформированию Военной Границы, однако представляется крайне маловероятным, что это желание представляло собой только плод его фантазии. Более реалистичным кажется иной вариант: в тех высших кругах венского общества, где русский генерал приобрел обширные связи, действительно могла обсуждаться возможная демилитаризация граничар. Косвенными подтверждениями этого служат два факта.

Во-первых, Ф.Ф. Торнау не просто сообщил в Военное Министерство о желании австрийского правительства реформировать Военную Границу, но достаточно подробно расписал позиции как сторонников, так и противников сохранения военного по существу предназначения граничар. Последние так же признавали бедность региона и несообразность его политического устройства с современными требованиями. Поэтому необходимость коренной реформы, затрагивающей как военную организацию, так и систему гражданского управления краем, под сомнение не ставилась, однако желание полностью уничтожить «учреждение, возвращенное с чрезвычайнейшей заботливостью в течение полутора столетий» представлялось консерваторам несколько преждевременным [54].

В 1863 г. Военная Граница выставила 35 175 солдат на действительную службу, 16 618 солдат в запасные батальоны и около 21 000 солдат в общий резерв. Следовательно, в случае войны Вена располагала бы 72 793 граничарами, которые составили бы около 1/8 от общей численности австрийской армии. При распространении на Военную Границу обычных принципов комплектования численность выставяемых с нее частей упала бы в 4-5 раз [55]. Не менее важной была финансовая сторона дела: по официальным данным, все правительственные расходы на пограничные полки не превышали 4 696 000 гульденов. Между тем доходы с Военной Границы простирались до 4 918 400 гульденов, то есть граничарские части не только считались самокупаемыми, но и якобы доставляли правительству небольшую прибыль [56].

Однако противники даже частичного сохранения прежней системы организации переводили дискуссию в иную плоскость. В 1860 г., по сведениям Ф.Ф. Торнау, в австрийском офицерском корпусе все шире распространялись сомнения в целесообразности сохранения граничар как военной силы. В.И. Фрейдзон связывал «нежелание кроатов драться за императора» с чисто политическими аспектами, с усталостью солдат пограничных полков от нищеты и разочарованием в результатах революции 1848 г. [57]. Подобное мнение, как мы покажем в следующей части статьи, имело сторонников и в граничарской среде [58]. Но только ли в этом было дело? Соответствовали ли части, выставяемые с Военной Границы, всем требованиям современной войны? Многие австрийские офицеры давали отрицательный ответ на этот вопрос. Они считали, что пограничные полки уступают линейным в строевом, дисциплинарном и боевом отношении, и следует заменить их хотя бы на меньшее число обыкновенной пехоты. Даже Ф.Ф. Торнау, сам не высоко оценивавший боеспособность граничар, полагал, что сторонники подобного мнения будто забывают 1848 г., когда «сербские и кроатские дружины» продемонстрировали свои лучшие качества [59].

Русский генерал приводил расчеты, из которых понятно, что в Вене к 1864 г. уже вчерне прорабатывалась финансовая сторона демилитаризации Военной Границы. В 1863 г. общая сумма налогов с ее территории составила только 3 168 400 гульденов. Таким образом, самокупаемость Военной Границы в глазах ее противников оказывалась сомнительной: она достигалась за счет скрытой прибавки к местному бюджету той части общегосударственного дохода, который собирался в регионе (около полутора миллионов различных сборов, прежде всего таможенных, за соль и с государственных рудников). Потенциальный налог с демилитаризованных земель оценивался в 12 000 000 гульденов, чего хватило бы для содержания 35 000 солдат линейной пехоты. Однако с учетом расходов на нормальную гражданскую местную администрацию более реальной представлялась цифра в 18 000 человек, которых удалось бы выставить вместо 72 793 граничар. Противники Военной Границы считали подобную замену не просто допустимой, но и даже выгодной для австрийской армии [60].

Ф.Ф. Торнау не брался прогнозировать, какая из точек зрения возобладает: будет ли Военная Граница демилитаризована, или ее попытаются реформировать, совмещая развитие экономики и конституционных политических институтов с сохранением особой воинской повинности граничар [61]. Возможно, именно поэтому в его отчете не содержится сколько-либо детального описания организации приграничных полков, которую в любом случае должно было ожидать скорое преобразование. Вместо этого русский военный агент сконцентрировался на описании настроений, царящих как в Вене, так и непосредственно среди граничар. Дальнейшее развитие событий подтвердило его правоту, и мы считаем это вторым косвенным доказательством правдивости отчета Ф.Ф. Торнау. Преобразование Военной Границы действительно началось почти сразу же после заключения австро-венгерского компромисса [62].

Намного ближе к работам отечественных авторов был взгляд Ф.Ф. Торнау на настроения граничар, хотя и в этом вопросе генерал достаточно оригинально расставлял акценты. Он отмечал, что недовольство в пограничных полках носит пока исключительно пассивный характер, и представляет собой только перспективную, хотя и весьма существенную опасность для Австрийской империи [63]. Первопричиной этого недовольства русский военный агент видел не столько национальные, сколько социально-политические факторы, в первую очередь желание избавиться от «военного ига» [64].

Вообще Ф.Ф. Торнау рассматривал Военную Границу как многонациональный регион, даже не исключительно славянский, выделяя в составе ее населения помимо хорватов и сербов достаточно многочисленных венгров и румын. Представители каждой из этих народностей тянулись к своим соплеменникам, как в пределах Австрийской Империи, так и за рубежом: если сербы хотели войти в состав независимой Сербии, то румыны проявляли симпатии к Объединенному княжеству Валахии и Молдавии [65]. Генерал признавал, что в последние годы национальный вопрос в Военной Границе обострился, но связывал это исключительно с недалновидной правительственной политикой германизации, и считал, что граничары могут присоединиться абсолютно к любой силе, которая пообещает демилитаризацию региона и отсутствие какого-либо национального угнетения. Ф.Ф. Торнау акцентировал внимание только на одном варианте развития событий: он полагал, что пограничные полки могут стать союзниками нового венгерского восстания, если лидеры последнего гарантируют защиту интересов граничар [66].

В отечественной историографии Венгрия зачастую рассматривается как основной политический антагонист южных славян в рамках сложного устройства Австрийской империи. В частности, В.И. Фрейдзон упоминает о том, что позже, в 1870 гг., именно венгерское правительство вопреки желанию граничар всячески затягивало их окончательную демилитаризацию и присоединение пограничных территорий к Хорватии, опасаясь роста значения последней [67]. Л.В. Березин в 1879 г. вообще считал полное упразднение Военной Границы крайне маловероятным из-за противодействия Будапешта любому усилению южнославянского элемента [68]. Да и сам Ф.Ф. Торнау в своем отчете писал, что венские власти видели в граничарах противовес Венгрии, и именно поэтому медлили с реформами [69]. Почему же русский военный агент в Вене рассматривал возможность столь причудливого политического альянса?

Мы не можем дать точного ответа на этот вопрос, однако позволим себе выдвинуть два предположения. Во-первых, сама возможность союза между граничарами всех национальностей и мадьярами делала неактуальной главную причину сохранения Военной Границы в прежнем виде, лишая ее статуса естественного противника венгерского сепаратизма. Во-вторых, подобное развитие событий было бы куда опаснее для Австрии, чем поддержка восстания граничар, допустим, Сербским княжеством. В случае успеха империя потеряла бы не только югославянские земли, но и всю Венгрию. Учитывая, что основным источником информации для Ф.Ф. Торнау служили открытые материалы и разговоры с австрийскими офицерами, вполне возможно, что в Вене ходили какие-то слухи на счет возможности подобного катастрофического развития событий. Могло оно и служить аргументом для сторонников полной демилитаризации Военной Границы.

Благодаря отчету Ф.Ф. Торнау мы можем взглянуть на проблемы Военной Границы накануне ее ликвидации через призму восприятия австрийского генералитета, понять мотивировку действий венского правительства. К сожалению, русский военный агент нигде не называл конкретных фамилий, видимо, считая их не существенными, или, возможно, не желая выдавать своих конфиденциальных собеседников. Кроме того, в его тексте содержатся серьезные фактические ошибки, главным образом в тех разделах, которые касаются истории пограничных полков (в частности, он относит их создание только к середине XVIII в., хотя дальнейшие события излагает вполне достоверно) [70]. С учетом этих фактов вопрос о том, где в тексте доклада Ф.Ф. Торнау заканчивается отражение взглядов его высокопоставленных собеседников и начинается субъективная позиция автора, остается открытым. Напомним, однако, что, по оценке Н.А. Трапша, и в кавказских работах барона, в целом достаточно достоверных, есть грубые ошибки в малозначимых для автора деталях. Ф.Ф. Торнау отнюдь не был фантазером, напротив, он пытался оставаться максимально объективным даже там, где реальные события плохо соотносились с его личными убеждениями [71]. Учитывая общепризнанную наблюдательность генерала, к его отчету о Военной Границе следует отнестись со всем возможным вниманием. Даже с учетом того, что русский военный агент мог преувеличить значение некоторых настроений австрийского генералитета, сообщаемые им факты заставляют существенно скорректировать некоторые традиционные утверждения отечественной историографии. Трудно переоценить значение информации о том, что к 1864 г. грядущая реформа пограничных полков, как минимум, имела влиятельных сторонников при дворе и в офицерском корпусе, если даже не была, как

пишет Ф.Ф. Торнау, решенным делом. Важно и то, что к этому времени хотя бы вчерне были проработаны финансовые аспекты полной демилитаризации Военной Границы, и рассчитано, какое количество солдат линейной пехоты можно будет содержать на налоги с ее бывших территорий. В целом, изложенные в отчете факты показывают, что имперское правительство отнюдь не было безразлично к нищете граничар, и даже противники демилитаризации искали способ улучшить их материальное положение. Возможно, мы несколько преувеличиваем, но на наш взгляд, отечественные авторы, с опорой на славянских историков, рисуют совершенно иную картину, картину равнодушной эксплуатации граничар Венной [72].

В одной из своих предыдущих статей мы писали, что многие процессы в восточноевропейских иррегулярных войсках протекали параллельно [73]. И ситуация, сложившаяся на Военной Границе, во многих аспектах напоминала происходящее вокруг казачьих войск в соседней империи. Но если в Австрии не рисковали начать обсуждение грядущих реформ, то в России центральные власти не скрывали своих планов коренным образом перестроить всю систему организации казачества. Сам Александр II говорил о том, что желает, чтобы «военное назначение казачьих войск было сколько возможно согласованно с выгодами гражданского быта и хозяйственного благосостояния» [74]. Вторил ему и военный министр, Д.А. Милютин, поставивший целью обеспечить сочетание «исключительно воинского быта целого населения с общими условиями гражданственности и экономического развития» [75]. Близость подобных тезисов к желанию австрийских властей преодолеть «убыток относительно умножения народного богатства» на Военной Границе и уничтожить несообразность политического устройства этого региона конституционному строю [76] представляется нам очевидной. Однако планы императора и его военного министра еще даже не начали воплощаться в жизнь, а по станицам пошел глухой ропот.

Мы не будем сколько-либо подробно описывать дискуссию между «прогрессистами» и «казакоманами», детально разобранную в интереснейшем цикле статей А.А. Волвенко [77-79]. Отметим только, что она в некоторых отношениях была близка к спору сторонников и противников сохранения Военной Границы, который описывал Ф.Ф. Торнау. Необходимость реформы Донского войска, направленной на, как тогда выражались, «развитие гражданственности» (под этим подразумевали облегчение военной службы, частичную или полную демилитаризацию институтов местной власти и обеспечение экономического роста в регионе) была очевидна представителям обеих партий. Однако стоило ли пытаться модернизировать систему управления и привилегий казачества, или предпочтительнее было бы постепенно отказаться от нее, распространяя на Дон общероссийские нормы и правила?

«Казакоманы», «партизаны замкнутости», по выражению одного из влиятельнейших их противников, генерал-лейтенанта И.И. Краснова, считали необходимым сохранить закрытость казачьего сословия, неприкосновенность станичных и войсковых земель и, разумеется, особые, специфически казачьи институты власти. «Прогрессисты», напротив, призывали к максимальному сближению Земли Войска Донского и остальной Российской империи, к дозволению иногородним селиться в пределах войска ради обработки неиспользуемых участков. Дискуссия достигла такого градуса, что в 1863 г. была прекращена цензурным ведомством.

Однако было уже слишком поздно. Какая-то информация о предстоящих реформах достигла рядовых казаков, возможно, в искаженном или вовсе превратном виде. Позже Д.А. Милютин обвинит начальника войскового штаба А.М. Дондукова-Корсакова в распространении слухов о планируемом уничтожении казачества [80]. Посланный на Дон для надзора за рекрутским набором флигель-адъютант императора Н.В. Мезинцев подтвердил не спокойствие в станицах и поддержку противников радикальных реформ частью населения, прежде всего старообрядцами. Правда, он писал, что эта поддержка сочетается с личной преданностью престолу, но в Санкт-Петербурге какое-то время принимали во внимание даже возможность массового казачьего бунта. Во всяком случае, противники А.М. Дондукова-Корсакова обвиняли его именно в желании «взбунтовать население», а Д.А. Милютин жаловался, что в условиях Польского восстания неудобно будет посылать какие-то части для «усмирения казаков» [81].

На наш взгляд, и здесь можно провести некоторые параллели между «пассивной оппозицией» граничар и недовольством донского казачества, сочетающимся с верностью императору. Во всяком случае, пример Донского войска показывает, чем было чревато начало обсуждения реформ Военной Границы. Дальнейшее развитие событий полностью подтверждает эту мысль: несмотря на прежние жалобы граничар на нищету, после того, как пошел процесс упразднения Военной Границы, ситуация в регионе не успокоилась. Именно тогда Э. Кватерник попытался поднять восстание, воспользовавшись страхом солдат пограничных полков перед ожидающимся повышением налогов и слухами о грядущем присоединении не к Хорватии, а к Венгрии. Однако превратить пассивное сопротивление в активное ему не удалось, и бунт, поддержанный всего несколькими сотнями граничар, был легко подавлен [82]. Мы еще раз убеждаемся в том, что выжидательная австрийская политика по отношению к Военной Границе была обоснована: обсуждение предстоящих реформ в прессе и слухи о них могли дестабилизировать ситуацию в регионе, что было бы особенно опасно до австро-венгерского компромисса.

Но между граничарами и казаками существовала принципиальная разница: если для солдат пограничных полков была характерна крайняя бедность, почти нищета, то войсковое население Дона было богаче крестьян сопредельных губерний. В 1861 г. депутаты Военной Границы в хорватском саборе говорили о присоединении к Хорватии как о способе увеличить благосостояние региона [83]. Казакоманы, напротив, обращали внимание на тот факт, что донские станицы были куда зажиточнее «бедных русских селений», и указывали на опасность непродуманных реформ, которые, унифицируя устройство Земли Войска Донского с остальной империей, не только не вызвали бы роста благополучия, но и отбросили казачьи хозяйства на средний российский уровень бедности. Подобные мысли высказывал, в частности, Х.И. Попов [84]. Как показывает страх граничар перед повышением налогов в начале 1870 гг., даже они держались за свои немногочисленные привилегии в виде небольших налоговых послаблений. Тем более боялись потерять свои особые права донские казаки, не только освобожденные от всех налогов, но и свободно пользующиеся в обмен на службу плодороднейшими участками в условиях многоземелья (на начало 1860 гг. в большинстве станиц не было правильных разделов, и каждый хозяин запахивал столько земли, сколько хотел и мог [85]).

В этих условиях неопределенное «развитие гражданственности» пугало именно как красивое название для фактического ограничения казачьих привилегий. По свидетельству А.А. Карасева, в 1862 г. подобные слухи были распространены в Новочеркасске [86]. Полное упразднение этих привилегий, неизбежное в случае ликвидации казачества, выглядело еще более пугающим. Как мы писали выше, Д.А. Милютин считал, что информацию о возможности подобного развития событий распространял А.М. Дондуков-Корсаков, чтобы в личных целях дестабилизировать ситуацию на Дону. Однако и без него в печати достаточно часто появлялись утверждения о том, что казачье сословие как институт устарело, и его привилегии нужно ограничить. А.Д. Столыпин, атаман Уральского казачьего войска, еще в 1861 г. писал: «многие специалисты в военном деле» считают Донское войско «аномалией», поскольку оно расположено глубоко внутри Российской империи, хотя возникло как пограничное. Соответственно, по их логике «если обстоятельства, родившие казачество, миновали, казачество должно пасть» [87]. Н.И. Краснов, выступая за предоставление казакам возможности не служить, теряя при этом поземельное довольствие, утверждал, что «права и привилегии донского населения не приносят общей пользы» [88]. По сведениям Р.Г. Тикиджьяна, в 1860 гг. был впервые употреблен и термин «расказачивание» [89].

В подобных условиях имперское правительство решилось на принятие особых мер, призванных стабилизировать ситуацию на Дону. В 1863 г. Донскому Войску была пожалована Высочайшая грамота, гарантирующая все его привилегии [90]. Хотя поиск оптимальных форм реформирования казачества продолжался, после опубликования этого документа стало очевидно, что самые радикальные варианты преобразований, направленные на ликвидацию казачества как военного сословия, утратили актуальность. Нет ничего удивительного, что в этих условиях отчет Ф.Ф. Торнау был внимательно прочитан одним из донских прогрессистов, который после 1863 г. искал новые, еще более убедительные аргументы в пользу своих идей.

В 1865 г. капитану Генерального штаба Николаю Ивановичу Краснову было немногим более тридцати, однако он уже совершил свои главные военные подвиги и опубликовал главную книгу. Во время Крымской войны ему довелось участвовать в обороне Таганрога и отличиться при захвате пушек с поврежденной английской канонерки. Позже, в ходе Польского восстания, Н.И. Краснов не допустил бомбардировки одного из польских местечек, проявив, по мнению позднейшего биографа «храбрость и гуманность» (донской офицер с небольшим отрядом казаков рискнул провести дополнительную разведку, показавшую отсутствие противника) [91].

Однако с начала 1860 гг. карьера Н.И. Краснова начала развиваться по совершенно иному, не боевому пути. Успешных командиров на Дону было не мало, и более востребованными оказались его способности к научной и литературной деятельности. В 1859-1868 гг. Генеральным штабом была подготовлена целая серия книг, посвященных географии и статистике различных регионов Российской империи. Когда дело дошло до Земли Войска Донского, задание собрать и обработать всю необходимую информацию получил именно Н.И. Краснов.

Позже данную серию будут ругать за «слишком обширную программу», из-за сложности которой удалось подготовить книги только по двум казачьим войскам [92]. Действительно, Н.И. Краснову приходилось быть историком и ботаником, статистиком и экономистом в одном лице. Он был вынужден даже лично заниматься метеорологическими наблюдениями [93]. Учитывая его образование (в 1858 г. будущий статистик окончил академию Генерального штаба [94]), стоит удивляться не отдельным ошибкам и неточностям, допущенным в работе, но тому, что Н.И. Краснов в одиночку сумел все-таки составить первое подробное статистическое описание Земли Войска Донского, значение которого трудно переоценить [95].

Возможно, в этом ему помогли некоторые особенности характера. Н.И. Краснов отнюдь не был сухим статистиком: наоборот, его статьи и книги рисуют образ человека увлекающегося, причем порой весьма экстравагантными идеями. В 1880 гг. уже пятидесятилетний начальник межевого и статистического отдела Главного Управления Казачьих Войск будет агитировать за создание казачьего флота, считая возможным так решить проблемы неисправного выхода на службу: не способные по финансовым соображениям купить лошадь казаки низовых станиц могли бы быть матросами, благо среди них было много хороших рыбаков [96]. После выхода в отставку донской статистик вообще увлекся философией, пытаясь создать собственную систему морали, соединяющую элементы древнегреческих философских учений и христианства [97].

В интересующий нас период Н.И. Краснов увлекался дискуссией прогрессистов и казакоманов, причем его симпатии были исключительно на стороне первых. Неудивительно, учитывая тот факт, что его отцом являлся генерал-лейтенант И.И. Краснов, тот самый, который характеризовал казакоманов как «партизан замкнутости». Даже статистическое обозрение Земли Войска Донского, подготовленное Н.И. Красновым, в некоторых местах больше походило на памфлет против его идейных противников. Донской статистик не просто описывал экономику своего края, но утверждал, что из-за специфически военной организации «донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» [98]. Обратим внимание на важное смысловое совпадение этих строк с тем местом отчета Ф.Ф. Торнау, где говорилось: «источники благосостояния, вмещаемые этой богатой стороною (Военной Границей – А.П.), приносят самую ничтожную пользу» [99]. Далее Н.И. Краснов указывал, что может написать целые тома в защиту необходимости радикальной реформы системы казачьей службы, в то время как несогласные с подобными идеями опираются только на «желание всех коммунистов» обеспечить равное распределение богатств между гражданами региона [100]. Подобные нападки представляли собой прямой политический донос, но мало соответствовали реальности. У казакоманов был целый ряд аргументов в защиту сохранения преимущественно военной организации казачества, к числу которых относилось и то, что донские полки несут службу «ничего не требуя от казны» [101].

Возможность вступить в дискуссию по поводу данного утверждения представилась Н.И. Краснову довольно скоро. Умения, проявленные им при поиске информации для своей книги, не остались незамеченными. После краткого участия в подавлении Польского

восстания он был назначен офицером для особых поручений при начальнике управления иррегулярных войск, где вскоре получил задание подготовить доклад о сравнительном соотношении расходов на казацкие и регулярные части, исходя из данных по Оренбургскому войску. Обратим внимание, что речь шла именно о расходах (в тексте, дословно, «тратах» [102]), то есть, видимо, предполагалось, что Н.И. Краснов подсчитает, во сколько обходится правительству содержание соответствующих подразделений в условиях конкретного географического региона. Однако донской офицер весьма творчески отнесся к своему поручению.

Н.И. Краснов подготовил достаточно обширный текст, по его собственному признанию призванный «выяснить общий вопрос относительной стоимости государству содержания регулярных и иррегулярных войск» [103]. Поскольку при подобной постановке темы его работа приобретала общий характер, в ней содержались обращения не только к оренбургскому, но и к донскому казачеству, и даже к австрийским граничарам. Отчет Ф.Ф. Торнау Н.И. Краснов не только цитировал, но и полностью привел в качестве приложения к своему докладу [104]. Впрочем, докладу ли? Судя по эмоциональному языку, разбивке на главы и специальному заглавию, которое казачий автор дал своей работе («Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» [105]), мы вправе говорить о своеобразном черновике для так и не написанной книги.

Выше мы обращали внимание на полное смысловое совпадение строк из отчета Ф.Ф. Торнау и из капитального труда Н.И. Краснова, в соответствии с которыми природные богатства как Военной Границы, так и Земли Войска Донского использовались крайне неэффективно. Изучив дополнительно ситуацию в Оренбургском казачьем войске, Н.И. Краснов пришел к выводу, что подобное положение дел представляет собой неизбежное следствие военно-поселенной организации. Чем выше становился уровень развития промышленности и сельского хозяйства в стране, тем сильнее возрастал потенциальный налог с территорий иррегулярных войск и меньше оказывалась выгода от их частичного самообеспечения. В качестве примера подобных процессов донской статистик приводил именно Австрийскую империю [106].

Австрийские граничары стали для Н.И. Краснова образцовым доказательством невыгодности военных поселенцев во второй половине XIX в. Он отмечал, что в отличие от донского казачества, освобожденного от податей, солдаты пограничных полков в значительной степени содержали сами себя. Если даже в этом случае в экономическом и финансовом отношении их организация оказывалась неэффективной, то насколько дорого должны были обходиться Российской империи якобы «ничего не требующие от казны» казацкие войска [107].

Но почему так происходило? Для ответа на этот вопрос Н.И. Краснов обратился к опыту Оренбургского казачьего войска, поскольку поручение Военного Министерства позволило собрать наиболее полные сведения именно по нему. Важнейшей причиной сравнительной бедности казаков донской офицер считал саму военную службу: долговременные отлучки мешали развитию хозяйств, а необходимость покупки снаряжения за свой счет не позволяла вкладывать личные капиталы в торговые предприятия [108]. С другой стороны, историческое развитие войскового сословия тяготело к относительной закрытости, и его земли были населены недостаточно плотно для вовлечения в оборот всех свободных участков [109]. Статистик не стремился к актуальности, используя заведомо устаревшие сведения (доклад был готов к 1867 г., но основывался на цифрах за 1864 г.), поскольку считал, что выявленные закономерности носят общий, универсальный характер, и относятся ко всем иррегулярным войскам. И действительно, через полтора десятилетия бывший русский консул в Фиуме Л.В. Березин, ничего не знавший о работе Н.И. Краснова, начнет перечисление причин неразвитости сельского хозяйства у граничар с тех же факторов: военной службы, из-за которой у мужчин не вырабатывалось привычки к сельскому труду, и недостатка рабочих рук [110].

Исходя из подобной логики, отмена военно-поселенной системы должна была привести к дальнейшему быстрому росту налоговых поступлений за счет притока желающих освоить прежде неиспользуемые угодья. Доклад Ф.Ф. Торнау послужил для Н.И. Краснова

подтверждением того факта, что некоторые австрийские военные эксперты рассуждали аналогично, ожидая после ликвидации Военной Границы «финансовых выгод, долженствующих породиться для государства от колонизации пограничных пустопорожных земель и от свободной их эксплуатации» [111]. Соответственно, при оценке стоимости иррегулярных войск следовало учитывать не только расходы на содержание частей и потенциальные прямые подати с нынешних хозяйств, но и неполученные косвенные доходы с простаивающих участков. Трудно сказать, насколько в данном случае мнение иностранных коллег стало для Н.И. Краснова открытием, а насколько оно подтвердило уже имеющиеся у него идеи, однако другие отечественные авторы при аналогичных вычислениях не принимали в расчет возможности ускорения экономического роста регионов после их демилитаризации. В 1862 г. Д.А. Милютин, говоря о сомнительности экономических выгод, которые якобы приносят казачьи части казне, ссылаясь только на прямые траты по их содержанию [112]. В 1875 г. авторы «Объяснений по поводу сделанных министром внутренних дел замечаний на проект Положения о воинской повинности Донского войска», подробно расписав статьи дохода, которые даст обращение донских казаков в обычное податное сословие, обошли стороной вопрос о том, как будет меняться их сумма в перспективе [113].

При оценке хозяйственного потенциала территорий иррегулярных войск Н.И. Краснов предлагал брать за основу данные о плотности населения и сумме душевых податей в соседних гражданских областях. Он признавал, что полученные цифры не будут соотноситься с реальным доходом, который правительство сможет получить в случае демилитаризации военных поселенцев: на «выравнивание» в экономическом и демографическом отношении Оренбургского казачьего войска и сопредельных губерний сам Н.И. Краснов отводил 90 лет. Однако данный метод позволял подсчитать экономические потери, уже понесенные государством, осознать всю порочность иррегулярной системы организации [114].

Мы не будем подробно останавливаться на конкретных расчетах донского офицера, тем более, что они, в отличие от выводов, относились исключительно к казачьим войскам, и имели узкоспециальный интерес. В целом они строились на той же логике, что и расчеты противников Военной Границы в отчете Ф.Ф. Торнау: Н.И. Краснов пытался всеми способами занизить численность частей, необходимых для эквивалентной замены казаков. Если в Австрии обсуждалась возможность использовать вместо 72 793 граничар 18 000 солдат линейной пехоты [115], то для Донского войска статистик сначала предлагал выставлять вместо 64 казачьих полков и 12 батарей 45 полков и 10 батарей регулярной армии, а затем, почему-то решив, что «правительство едва ли решит увеличить свои вооруженные силы такой массой кавалерии», рекомендовал остановиться на приблизительно 15 полках [116]. Разумеется, при подобном многократном уменьшении числа солдат потенциальный рост налогов намного превышал расходы на их содержание.

Нам данная логика представляется не вполне убедительной, однако Н.И. Краснов был уверен, что доказал: в финансовом отношении регулярные части превосходили иррегулярные в условиях второй половины XIX в. [117]. Исходя из этого, он советовал по мере политических и военных возможностей переводить казачьи войска в гражданское состояние [118]. Правительственную политику прежних лет, направленную на сохранение военной организации казачества, Н.И. Краснов считал ошибкой, и призывал всемерно развивать в войсках «гражданское начало» [119].

Разумеется, основывающийся на отчете Ф.Ф. Торнау труд Н.И. Краснова не содержит никакого нового фактографического материала по истории Военной Границы. Однако он представляет собой, судя по всему, первую в России попытку относительно развернутого сопоставления некоторых аспектов военного устройства казаков и граничар. На сходство их организации и роли в вооруженных силах указывали в разные годы иностранные авторы, представленные на страницах российской печати. В 1855 г. Ю. Виккеде издал брошюру «Военные силы Германии и развитие их в новейшее время», полный перевод которой был опубликован в 1859 г. в «Военном сборнике» в качестве авторитетнейшего источника по современному состоянию вооруженных сил Германского союза. О граничарах немецкий автор, писавший еще до австро-франко-итальянской войны, отзывался самым комплементарным образом, отмечая их эффективность на аванпостах и в рассыпном строю,

и полагая, что «пограничная пехота имеет для императорской армии почти ту же цену, что и казаки для России» [120]. Много позже, в 1877 г., австрийский военный писатель А. Шпрингер выпустил целую монографию о российских казачьих войсках, где сравнивал казаков и граничар, сумевших в XVII-XVIII вв. превратиться в грозную даже для регулярных армий силу. Любопытно отметить, что рецензию на эту работу для «Русского инвалида» написал как раз герой нашей статьи, Н.И. Краснов, упомянувший данное сопоставление [121]. Но у российских офицеров публикации о сходстве казачьих войск и Военной Границы не вызвали сколько-либо заметной реакции, а сами иностранцы ограничивались констатацией фактов, не переходя к какому-либо анализу. В подобном контексте доклад Н.И. Краснова, направленный на выявление общих закономерностей развития поселенных войск, приобретает особое значение, хотя его автор концентрировал внимание только на негативных финансовых аспектах, не затрагивая военную организацию и тактику.

Весьма показательным представляется и тот факт, что попытка сопоставления казачьих войск и Военной Границы исходила именно из казачьей среды. В одной из своих прошлых работ мы показали, что между российских офицеров вплоть до конца 1850 гг. были распространены достаточно идеализированные представления о казаках, и отсутствовало понимание их реальных проблем [122]. С другой стороны, в казачьих войсках было немного столь образованных и склонных к обобщениям людей, как Н.И. Краснов. Поэтому нет ничего удивительного, что именно автор первого детального статистического обзора Земли Войска Донского, человек, знакомый с немецкоязычной военной литературой о казачестве догадался, пусть и в полемических целях, сопоставить положение дел в Оренбургском войске и на Военной Границе.

Самой ценной частью доклада Н.И. Краснова нам кажутся те общие закономерности, которые он вывел для иррегулярных войск. Однако его непосредственным начальством они, по-видимому, не были оценены. Мы помним, что донскому статистику была дана существенно иная задача, задача рассчитать траты на регулярные и казачьи части, исходя из данных по Оренбургскому войску. С ней он не справился, используя заведомо устаревшую информацию и посвятив большую часть своего доклада вопросу о потенциальной прибыли с демилитаризуемых земель. Архивное дело, содержащее написанный Н.И. Красновым труд, фактически обрывается с его последней страницей. Судя по всему, оно так и не вышло из стен управления казачьих войск, а сам автор после написания утратил к нему интерес. Или нет? В 1889 году генерал Генерального штаба Н.И. Краснов в одном из частных писем будет жаловаться, что из-за цензуры не может опубликовать более половины из написанных работ [123]. Некоторые из положений «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», в несколько смягченной форме вошли в следующую книгу донского статистика, «Военное обозрение Земли Донского Войска». В ней он, хотя и в сжатой форме, обращал внимание на тот факт, что на казаке лежат две обязанности, воина и гражданина, и чем лучше он справляется с одной, тем хуже ему дается другая [124]. Если в своем докладе казачий офицер открыто возлагал вину за преобладание военного начала в Донском войске на российское правительство [125], и отмечал разумную политику Петра Великого, сознательно прививающего донцам желание заниматься сельским хозяйством, чтобы развить у них гражданственность [126], то в книге те же факты были даны в несколько иной интерпретации: преобладание военного начала при предшествующих императорах приписывалось частым войнам, а зарождение сельского хозяйства у казаков связывалось с эпохой Петра, но не с ним лично [127]. Учитывая цензурные запреты 1863 г., возможно, Н.И. Краснов просто не рискнул опубликовать свою работу, содержащую доказательства финансовой неэффективности иррегулярных войск и призывающую к их скорейшему упразднению.

Остается обратить внимание на важный факт: и российский военный агент в Вене, и видный донской статистик, ознакомившись с системой службы в пограничных полках, считали ее крайне неэффективной и заведомо обреченной на реформу. При этом на первое место они ставили не военный фактор, а финансовый. Более того, Н.И. Краснов доказывал, что отставание в экономическом росте является неизбежным следствием военно поселенной

системы, ее важнейшим и неустранимым недостатком. И он был отнюдь не одинок в подобном мнении.

Примечания:

1. Фрейдзон В.И. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-начале 70-х годов XIX века (кризис и ликвидация военной системы) // «Ученые записки Института славяноведения». Т. XXVI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 80-115.
2. Костяшов Ю. В. Сербия в австрийской монархии в XVIII веке. Калининград: изд. Калининградского университета, 1997. 220 с.
3. Костяшов Ю. В. Сербские Граничары // Вопросы Истории. 1997. № 5. С. 140-145.
4. Нигалатий М.В. Перспективы сербско-русского военного сотрудничества в 60-е – нач. 70-х гг. XIX в. автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 27 с.
5. Кирпичонок А.Н. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007. 222 с.
6. Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.
7. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
8. Глиноецкий Н.П. Австрия, ее силы и враги // Военный сборник. 1866. №6. С. 290.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
10. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 150-155.
11. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
12. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С.48-53.
13. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-158.
14. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-26.
15. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. // Славянский архив. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 219-236.
16. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: Аиро-XXI, 2008. 496 с.
17. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. 595 с.
18. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау // Кавказский сборник. 2015. № 9. С. 250-262.
19. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 148-161.
20. Фрейдзон В.И. История Хорватии.
21. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
22. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina, 2015, Vol.(14), Is. 2, pp. 94-107.
23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina, 2015, Vol.(15), Is. 3, pp. 194-207.
24. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 с.
25. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. Т. СXXXIII. 1908. С. 88-94.
26. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.
27. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. С. 69-71.

28. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. Т. XLVII. 1897. С. 50.
29. Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. № 7. С. 170.
30. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 51-52.
31. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 1-46.
32. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. С. 83.
33. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау. С. 250-262.
34. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 65.
35. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 64.
36. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 61.
37. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 61.
38. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 113.
39. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 431.
40. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-41.
41. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 53-55.
42. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 141.
43. Т. Великая княжна Елена Павловна // Русский архив. 1883. Кн. III. Вып. 2. С. 308.
44. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 444.
45. Дзидзария Г.А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. С. 83.
46. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-53.
47. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 39-47.
48. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40.
49. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-190.
50. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 15.05.2016)
51. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41-42.
52. Т. Великая княжна Елена Павловна. С. 308.
53. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 81.
54. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-42.
55. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
56. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
57. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145.
58. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 44-77.
59. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
60. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
61. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
62. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151.
63. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45.
64. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44.
65. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45.
66. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44.
67. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 190.
68. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 339.
69. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41-42.
70. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45-47.
71. Трапш Н.А. Абхазия первой половины XIX столетия в военно-этнографическом нарративе Ф.Ф. Торнау. С. 250-262.
72. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 190.
73. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
74. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549-1917). Белград: Донская историческая комиссия, 1924. С. 343-344.

75. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 13.
76. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
77. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 19-37.
78. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 94-107.
79. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. Pp. 194-207.
80. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 29.
81. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 16.
82. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151-152.
83. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145.
84. Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // Донские войсковые ведомости. 1863. № 20. С. 2.
85. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: типография М.П. Щепкина, 1885. С. X-XVII.
86. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 170-171.
87. Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // Военный сборник. 1861. № 1. С. 202–203.
88. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
89. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. С. 83.
90. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 17.
91. Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: НВ, 2003. С. 247-249.
92. Статистическое описание Сибирского казачьего войска // Русский инвалид. 1879. № 229. С. 3.
93. Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1991. С. 237.
94. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. С. 95.
95. Донцы XIX века. С. 249.
96. Краснов Н.И. О привлечении донских низовых казаков к службе во флот // Русский инвалид. 1879. № 193. С. 3-4.
97. Королев В.Н. Старые Вешки. С. 244.
98. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
99. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40.
100. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. С. 232.
101. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 101.
102. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1.
103. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 158.
104. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 39-47.
105. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115.
106. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117.
107. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 119.
108. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121.
109. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 130.
110. Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. Т.2. С. 348-349.
111. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
112. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы). С. 13.

113. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60-70 гг. XIX века. С.48-49.
114. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 132.
115. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
116. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 153-157.
117. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 152.
118. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123.
119. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-116.
120. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.
121. Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 73. С. 3-4.
122. Peretyatko A.Y. The Concepts of Irregular Troops in the Russian Military Theory: from the "Miraculous Force" of the Russian Empire to the Helpers of Terrorists // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.
123. Королев В.Н. Старые Вешки. С. 243.
124. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная Типография, 1870. С. XIII.
125. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115-116.
126. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 122.
127. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. С. XIII.

References:

1. Freidzon V.I. K kharakteristike polozheniya na Khorvatsko-Slavonskoi Voennoi Granitse v 50-nachale 70-kh godov XIX veka (krizis i likvidatsiya voennoi sistemy) // «Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya». T. XXVI. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. С. 80-115.
2. Kostyashov Yu. V. Serby v avstriiskoi monarkhii v XVIII veke. Kaliningrad: izd. Kaliningradskogo universiteta, 1997. 220 s.
3. Kostyashov Yu. V. Serbskie Granichary // Voprosy Istorii. 1997. № 5. S. 140-145.
4. Nigalatii M.V. Perspektivy serbsko-russkogo voennogo sotrudnichestva v 60-e – nach. 70-kh gg. XIX v. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009. 27 s.
5. Kirpichonok A.N. Serbskie poseleniya na Ukraine v seredine XVIII veka. SPb.: Nestor, 2007. 222 s.
6. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. SPb.: Aleteiya, 2001. 318 s.
7. Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
8. Gliinoetskii N.P. Avstriya, ee sily i vragi // Voennyi sbornik. 1866. №6. S. 290.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
10. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe // Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2007. № 25 (53). S. 150-155.
11. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
12. Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donsokogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka // Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 8. Novocherkassk; Rostov-na-Donu, 2007. S.48-53.
13. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-158.
14. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 1-26.
15. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. // Slavyanskii arkhiv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. S. 219-236.
16. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. M.: Airo-XXI, 2008. 496 s.
17. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1863. 595 s.
18. Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau // Kavkazskii sbornik. 2015. № 9. S. 250-262.

19. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 148-161.
20. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii.
21. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
22. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina, 2015, Vol.(14), Is. 2, pp. 94-107.
23. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina, 2015, Vol.(15), Is. 3, pp. 194-207.
24. Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX – nachale XX veka. Istoricheskii portret. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 s.
25. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii // Russkaya starina. T. CXXXIII. 1908. C. 88-94.
26. Glinetskiy N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
27. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. M.: Nauka, 1976. S. 69-71.
28. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau // Istoricheskii vestnik. T. XLVII. 1897. S. 50.
29. Zapiski Vladimira Ivanovicha Dena // Russkaya starina. 1890. № 7. S. 170.
30. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 51-52.
31. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 112. L. 1-46.
32. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. S. 83.
33. Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau. S. 250-262.
34. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 65.
35. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 64.
36. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 61.
37. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 61.
38. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 113.
39. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 431.
40. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-41.
41. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 53-55.
42. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 141.
43. T. Velikaya knyazhna Elena Pavlovna // Russkii arkhiv. 1883. Kn. III. Vyp. 2. S. 308.
44. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 444.
45. Dzidzariya G.A. F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy XIX veka. S. 83.
46. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 104. L. 1-53.
47. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 39-47.
48. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40.
49. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-190.
50. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii VoЕННОI Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg. [Elektronnyi resurs] // Konferentsiya Lomonosov-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2016)
51. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41-42.
52. T. Velikaya knyazhna Elena Pavlovna. S. 308.
53. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 81.
54. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-42.
55. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
56. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
57. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145.
58. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 44-77.
59. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
60. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
61. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
62. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151.
63. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45.
64. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44.
65. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45.
66. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44.

67. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 190.
68. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. SPb.: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1879. S. 339.
69. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41-42.
70. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 45-47.
71. Trapsh N.A. Abkhaziya pervoi poloviny XIX stoletiya v voenno-etnograficheskom narrative F.F. Tornau. S. 250-262.
72. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 190.
73. Peretyatko A.Y. «European Cossacks» in XVI–XVII Centuries: the Phenomenon of Irregularity from the Adriatic Sea to the Urals // Voennyi Sbornik, 2015, Vol.(8), Is. 2. P. 104-118.
74. Svatikov S.G. Rossiya i Don (1549-1917). Belgrad: Donskaya istoricheskaya komissiya, 1924. S. 343-344.
75. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) // Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 16. №3. 2014. S. 13.
76. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
77. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 19-37.
78. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 94-107.
79. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. Pp. 194-207.
80. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. Pp. 29.
81. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 16.
82. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151-152.
83. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145.
84. Kh.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennykh slukhov // Donskie voiskovyie vedomosti. 1863. № 20. S. 2.
85. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: tipografiya M.P. Shchepkina, 1885. S. X-XVII.
86. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh // Istoricheskii vestnik. 1900. № 80. S. 170-171.
87. St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh //Voennyi sbornik. 1861. № 1. S. 202–203.
88. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
89. Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX - nachale XX veka. Istoricheskii portret. S. 83.
90. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 17.
91. Dontsy XIX veka. Rostov-na-Donu: NB, 2003. S. 247-249.
92. Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska // Russkii invalid. 1879. № 229. S. 3.
93. Korolev V.N. Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. S. 237.
94. Glinetskiy N. P. Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba. SPb: Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. S. 95.
95. Dontsy XIX veka. S. 249.
96. Krasnov N.I. O privlechenii donskikh nizovykh kazakov k sluzhbe vo flot // Russkii invalid. 1879. № 193. S. 3-4.
97. Korolev V.N. Starye Veshki. S. 244.
98. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
99. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40.
100. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo. S. 232.
101. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. Pp. 101.
102. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 1.
103. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 158.

104. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 39-47.
105. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115.
106. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 117.
107. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 119.
108. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 121.
109. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 130.
110. Berezin L.V. Khorvatiya, Slavoniya i Dalmatsiya i Voennaya granitsa. T.2. S. 348-349.
111. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
112. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody). S. 13.
113. Volvenko A.A. Dva podkhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlya Rossiiskoi imperii v 60-70 gg. XIX veka. S.48-49.
114. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 132.
115. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
116. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 153-157.
117. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 152.
118. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 123.
119. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-116.
120. Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 677.
121. Krasnov N.I. Nemetskie voennye pisateli o kazakakh // Russkii invalid. 1877. № 73. S. 3-4.
122. Peretyatko A.Y. The Concepts of Irregular Troops in the Russian Military Theory: from the "Miraculous Force" of the Russian Empire to the Helpers of Terrorists // Voennyi Sbornik, 2016, Vol.(11), Is. 1. Pp. 11-30.
123. Korolev V.N. Starye Veshki. S. 243.
124. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. SPb.: Voennaya Tipografiya, 1870. S. XIII.
125. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 115-116.
126. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 122.
127. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska. S. XIII.

УДК 94(497.5)

Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Лаборатория военных исследований
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отчет российского агента в Вене Ф.Ф. Торнау о состоянии Военной Границы в 1864 г. и созданный на его основе доклад офицера генерального штаба Н.И. Краснова о финансовой неэффективности иррегулярных войск. Автор приходит к выводу, что к 1864 г. австрийское правительство понимало необходимость реформы Военной Границы. Противоположное мнение, распространенное в отечественной историографии, основано на не полной информации и не вполне корректно.

В статье так же показано, что Н.И. Краснов первым указал на сходство процессов на Военной Границе и в Земле Войска Донского в 1860 гг.

Ключевые слова: граничары, казаки, военно-поселенные войска, Австрийская империя, Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 12, Is. 2, pp. 100-108, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.12.100
www.ejournal6.com

UDC 68.65

Influence of Difficult Meteorological Conditions on the Landing (on the example of Landing on Cape Pikshuev in April–May 1942)

¹ V.N. Pryamitsyn
² V.A. Drabinko
³ V. I. Zhumatiy

¹⁻³ Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces Research Institute (military history), Russian Federation

¹ PhD Military Sciences, Major
E-mail: priamitzynvn@mail.ru

² Dr. Technical Sciences, Professor, Colonel
E-mail: drv@rshu.ru

³ Dr. Historical Sciences, Professor, captain 1 of rank in the resignation

Abstract

Article is dedicated to landing to Pikshuiy cape in April – May 1942. The article is described the preparation for it, stated problems, forces and facilities, and also motion of debarkation, the influence of severe weather conditions on the results of landing operation especially in detail is examined. The authors note that the tragedy played at Cape Piksaev was made possible due to the lack of attention of the command of the fleet to the weather, as an important element of the theatre, and the rear of miscalculations in the preparation of units, advancing from the occupied bridgehead on the land direction, to act in complex meteorological conditions. In the preparation of the landing was a violation of the requirements of a number of guidance documents.

Keywords: landing, the Marines, the meteorological conditions.

*Жестокий холод разбросал апрель,
Сковав движения 12-й бригады.
И небо выдало коварную метель.
И смерть воспринимали, как награду!*
А. Аксенов

Введение

Небольшой мыс Пикшуев, вдающийся в Мотовский залив, в годы Великой Отечественной войны стал местом ожесточенного противостояния. Для военных гидрометеорологов Заполярья обрывистые скалистые берега мыса стали символом мужества и трагедии. Именно с мысом Пикшуев связано одно из первых награждений метеорологов боевыми наградами в годы Великой Отечественной. Именно на мысе Пикшуев сложные гидрометеорологические условия привели к тяжелым потерям в рядах защитников Заполярья.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Предыстория вопроса

Перейдя государственную границу, немецкие части стремительно продвинулись вглубь советской территории, в считанные дни оказавшись у берегов реки Титовка. Возникла угроза захвата противником гидрометеорологической станции «Мыс Пикшуев». В тяжелых условиях, связанных с риском для жизни, сотрудник станции Тихон Бормотов перенес оборудование станции и архив наблюдений в шестивесельную шлюпку и эвакуировал их через Мотовский залив в расположение советских войск. За смелый поступок Тихон Бормотов был награжден медалью «За отвагу», открыв счет награжденных метеорологов-североморцев [1].

Рис. 1. Ветеран Гидрометеорологической службы Северного флота Тихон Бормотов

Весной 1942 г. советское Верховное Главнокомандование планировало перейти в наступление на ряде участков советско-германского фронта, в том числе и на мурманском направлении [2]. На основании указаний Военного совета фронта штабы 14-й армии и Северного флота разработали совместную наступательную операцию, вошедшую впоследствии в отечественную военную историю под названием Мурманская операция 1942 г. Командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.И. Щербаков решил нанести главный удар по западно-лицевой группировке противника в конце апреля из района Мурманска силами 72-й морской стрелковой бригады (мсбр), 10-й гвардейской стрелковой дивизии (сд) и 6-й отдельной лыжной бригады (олбр). Для сковывания противника с фронта назначались 14-я сд и 3-й батальон 72-й мсбр. Армейский резерв составляла 5-я олбр, во второй эшелон предназначалась прибывшая в армию 152-я сд [3].

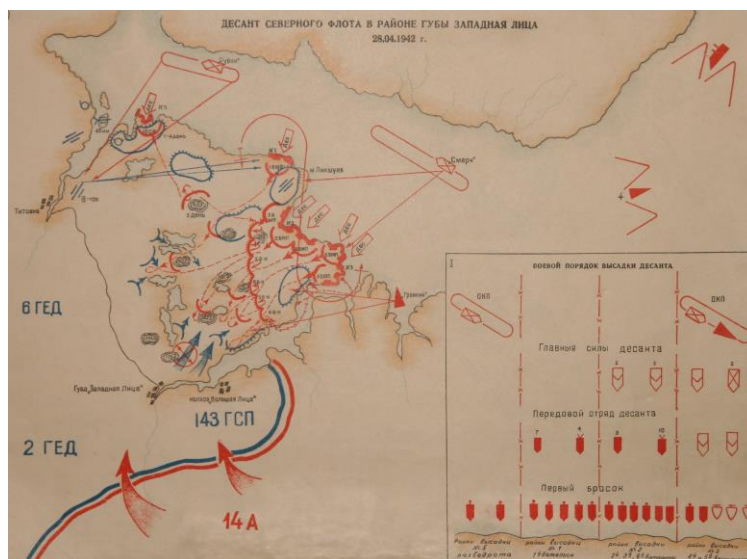

Рис. 2. Действия Северного флота в период высадки десанта на мыс Пикшуев

Важным этапом общего плана наступления являлся разгром частей противника, расположенных на мысе Пикшуев. Здесь противник разместил береговую артиллерию, которая существенно осложняла сообщение с Северным оборонительным районом, созданным на полуострове Рыбачий. После захвата плацдарма на мысе Пикшуев планировалось развитие успеха в южном направлении навстречу главной группировке 14-й армии для окружения 6-й немецкой горнострелковой дивизии (гсд). Эта задача была возложена на Северный флот (СФ), и решить ее предполагалось высадкой морского десанта при огневой поддержке авиации и артиллерии кораблей[4].

Обсуждение и результаты

В состав десанта командующий Северным флотом вице-адмирал А.Г. Головкин выделил 12-ю обрмп (6281 человек) и разведотряд штаба Северного флота (70 человек). В десантный отряд были назначены: отряд транспортов (две группы – 5 тральщиков и 4 сторожевых корабля), отряд высадочных средств (три группы – 23 сторожевых катера и катера-тральщика), отряд поддержки (первая группа – эсминец «Громкий», сторожевые корабли «Смерч» и «Рубин», вторая группа – 10 катеров МО)[5]. Командиром десанта был назначен командир 12-й обрмп полковник В.В. Рассохин, командиром высадки – командир ОВРа главной базы СФ контр-адмирал В.И. Платонов. Общее командование операцией командующий флотом оставил за собой [6].

На вооружении бригады имелось 808 винтовок и карабинов, 3358 автоматов, 56 ручных, 99 станковых и 10 зенитных пулеметов, 146 противотанковых ружей, семь 45-мм орудий, 74 миномёта [7]. В ходе подготовки 12-й обрмп к высадке десанта особое внимание уделялось специальной подготовке. Так, 21–22 февраля 1942 г. она в составе трех батальонов провела в Кольском заливе учение по высадке десанта. Значительное внимание было уделено морально-психологической подготовке воинов к предстоящему решению сложной задачи [8].

Штаб бригады, зная, что наступать придется в тундре, был вынужден принять единственно возможное решение – все необходимое для боя переносить на плечах. Было запланировано, что все 5 суток бойцы будут питаться сушомяткой. На каждого морского пехотинца по раскладке пришлось до 25 кг груза: оружие, запас патронов и гранат, пятисуточный паек. Но практически нагрузка была превышена – десантники взяли с собой сверх запланированного еще на 5 суток продуктов и еще половину боекомплекта. С такой нагрузкой они должны были штурмовать сопки, брать опорные пункты, проявляя нечеловеческую силу и выносливость, пробиваться навстречу сухопутным частям.

Рис. 3. Горные егеря западно-лицевой группировки противника

Высадка была назначена на 21 апреля, но накануне этой даты наступила оттепель, сопровождавшаяся интенсивным таянием снега. Погодные условия обусловили выбор экипировки десантников и перенос даты высадки на 28 апреля 1942 г. [9]. Она состояла из ватной куртки и брюк, теплого белья, плащ-палатки и ботинок, полученных из США по ленд-лизу. Такая обувь, как выяснилось уже в ходе высадки, легко пропускала воду. В сильные морозы ноги военнослужащих в промокшей обуви быстро замерзли. Эта особенность американских ботинок и привела к массовому обморожению ног у морских пехотинцев [10].

26 апреля в пяти пунктах побережья (Мурманск, Ваенга, Полярный, Сайда-Губа и Тюва-Губа) началась скрытная посадка сил десанта на корабли и суда. О том, насколько быстро и организованно прошла посадка тысяч человек на корабли, говорит тот факт, что на нее затратили в полтора раза меньше времени, чем было предусмотрено планом [11]. В условиях полярного дня добиться скрытности совместного перехода всего десантного отряда было крайне сложно. Чтобы обмануть вражескую разведку, переход десантного отряда был осуществлен по двум маршрутам: первый – вдоль северного и второй – вдоль южного побережья Мотовского залива десятью отдельными группами. Первые четыре группы (1–4) перевозили первый бросок (разведывательные отряды батальонов), следующие четыре группы (5–8) – передовой отряд десанта и последние две группы (9–10) – главные силы десанта. Корабли совершали переход, маскируясь под фон берега и скал со скоростью от 6 до 19 узлов [12].

Ради достижения внезапности высадки, от артиллерийской и авиационной подготовки побережья пришлось отказаться. Но посадку и переход десанта прикрывали с воздуха 45 «Харрикейнов» 2-го гвардейского смешанного авиаполка и 78-го истребительного авиаполка. Скрытно подойдя к вражескому берегу, в ночь с 27 на 28 апреля 1942 г. Северный флот высадил десантников восточнее мыса Пикшуев. В трех пунктах из пяти высадка морских пехотинцев оказалась полной неожиданностью для противника. Благодаря его незначительному сопротивлению, десантникам удалось избежать потерь [13].

Боевые действия 12-й обрмп по расширению плацдарма и решению главных задач десанта на берегу можно разделить на три этапа: первый – наступление, второй – оборона, третий – эвакуация бригады на восточный берег губы Большая Западная Лица. Наступление началось в 8 ч 00 мин 28 апреля. За день бригада продвинулась на отдельных участках до 11 км [14]. В последующие три дня в связи с усилившимся противодействием противника темп продвижения замедлился. В этот период четвертый батальон бригады продвинулся на 5 км, пятый – на 1–2 км, остальные части бригады успеха не имели. Как потом выяснилось, оборона противника на побережье Мотовского залива строилась системой отдельных опорных пунктов, удаленных друг от друга на 2–3 и более километров [15]. Из-за недостаточной разведки плацдарма высадки командование бригады не знало

истинной обстановки, состава сил и расположения огневых точек противника. Поэтому батальоны наступали, равномерно распределившись по фронту.

1 мая 1942 г. (четвертый день операции) был последним днем активных наступательных действий бригады. Пройдя от берега 15–18 км, батальоны были вынуждены остановиться. По данным штаба бригады, за 4 дня боев она потеряла 175 человек убитыми, 357 ранеными, 9 пропавшими без вести и одного заболевшим [16]. В этот день погода на побережье Мурмана резко ухудшилась. Произошло значительное похолодание, усилился ветер, началась сильная метель. За предшествующие дни наступления, характеризовавшиеся оттепелью и слякотью, обмундирование матросов вымокло, а при похолодании возможности обсушиться, отогреться или сменить одежду не оказалось. Десант стал нести потери от обморожений.

Рис. 4. Наступление советских войск в снегу

До 7 мая командующий 14-й армией ставил 12-й обрмп только наступательные задачи. Получив пополнение в количестве 400 человек и артиллерийскую поддержку эсминца «Громкий», бригада вела бои на достигнутых рубежах и готовилась к наступлению. Ночью 4 мая части 12-й обрмп перешли в наступление, но вскоре были остановлены и перешли к обороне [17]. В этот же день противник перешел в контратаку по всему фронту бригады. Прорвавшись в тыл морских пехотинцев, он вывел из строя всю связь бригады с батальонами. Враг понес значительные потери, но добился отхода 12 обрмп на тыловые рубежи обороны [18].

Рис. 5. Участник пикшуевского десанта В.Н. Леонов

Боевые действия десантников активно поддерживали авиация, корабли и береговая артиллерия флота. ВВС Северного флота совершили 383 самолето-вылета и уничтожили в воздушных боях над мысом Пикшуев 19 Me-109, 9 Me-110, Ю-87 и Хе-113, потеряв 16 «Харрикейнов» и 3 И-153. На штурмовку и бомбардировку позиций противника было совершено 82 самолето-вылета [19]. Огневую поддержку с моря десанникам оказывали эсминцы «Громкий» (27.04, 1–5.05), «Гремящий» (7.05), «Сокрушительный» (8.05 и 10.07) и «Грозный» (12.05), которыми было выпущено 1312 130-миллиметровых снарядов. В интересах десанта батареи Мурманского укрепленного района (УР) провели 57 стрельб, выпустив 851 130-миллиметровых и 907 122-миллиметровых снарядов.

В течение 5–8 мая обрмп отбивала атаки противника. Она продолжала нести большие потери ранеными и убитыми от боевого воздействия противника, а также из-за исключительно сложных гидрометеорологических условий (по данным штаба бригады, обмороженными числились 986 человек; по данным же эвакуационного пункта в порту Владимир их было 1159, а по данным тыловых госпиталей и лазаретов – 1562) [20]. Десантники были до предела истощены, у них закончились продукты и подходили к концу боеприпасы. Несмотря на то, что в бригаде было значительное количество морских пехотинцев с обмороженными ногами, десант героически удерживал рубежи обороны.

Еще тяжелее сказались сложные гидрометеорологические условия на действия разведотряда штаба Северного флота. Бойцам под командованием лейтенанта В.Н. Леонова пришлось высаживаться прямо в воду, а затем в течение более 5 суток удерживать оборону на высоте 415,3. За эти дни отряд потерял убитыми и ранеными только 4 человека, при этом обморожение получили 56 военнослужащих [21].

Одновременно с высадкой десанта на мыс Пикшуев утром 28 апреля после трехчасовой артиллерийской подготовки началось наступление войск 14-й армии на мурманском направлении. Лишь к исходу второго дня ее соединениям удалось продвинуться на отдельных участках на глубину 2–3 км и овладеть первой позицией вражеской обороны. На третий день наступления командование немецкого 19-го горнострелкового корпуса предприняло сильные контратаки, и бои приняли еще более ожесточенный характер [22]. Пытаясь прорвать оборону противника на реке Большая Западная Лица, командование 14-й армии решило ввести в бой 152-ю сд. Дивизия выдвинулась из Мурманска на передовую, будучи экипированной в соответствии с установившейся теплой погодой. На марше 152-я сд столкнулась со значительным ухудшением погоды: начавшийся дождь сменился снегом, на фоне резкого понижения температуры началась сильная метель, продолжавшаяся несколько суток. Толщина снежного покрова достигла 3–5 м. Промокшее от дождя обмундирование быстро леденело, из-за чего в открытой тундровой местности красноармейцы массово подвергались обморожению. Лишь передовой батальон 480-го стрелкового полка дивизии сумел дойти до реки Большая Западная Лица, но вести бой он был уже не способен [23].

Из-за неудачных действий 14-й армии, обусловленных неблагоприятными гидрометеорологическими условиями, 10 мая Ставка ВГК приказала войскам, действовавшим на мурманском направлении, закрепиться на достигнутых рубежах [24]. Прекращение наступления войск 14-й армии позволило немцам использовать все резервы в борьбе с пикшуевским десантом. Удержание плацдарма на мысе Пикшуев существенно усложнилось, а его пребывание там утратило всякий смысл. Вечером 11 мая на командный пункт 12-й обрмп поступило приказание подготовиться к эвакуации. 12 мая начался отход подразделений десанта с позиций. Эвакуация, как и высадка, была произведена для противника неожиданно, благодаря чему удалось избежать потерь. Личный состав бригады был эвакуирован сначала на восточный берег губы Большая Западная Лица, а позже в тыл.

Эвакуация 12 обрмп была завершена 13 мая. Это был единственный крупный десант в Великой Отечественной войне, завершившийся обратной посадкой и эвакуацией десантников в тыл. Пикшуевский десант по своим особенностям, характеру и условиям явился тяжелейшим испытанием, выпавшим на долю морских пехотинцев 12-й обрмп. Из 7165 человек десантники потеряли за время операции 4992 военнослужащих, что составляет 70 % высадившихся на мыс Пикшуев [25]. Из этого числа 849 человек были убиты или умерли (в том числе от холода и истощения), 1828 ранены, 986 обморожены, 941 пропали без вести, 359 заболели [26].

Наряду с просчетами в управлении войсками, такими как отсутствие взаимодействия между наступавшими батальонами, плохим ведением разведки, неумением развить достигнутый успех, невозможностью сдержать противника на занятых рубежах, решающую роль в поражении 12-й обрмп сыграли тяжелые гидрометеорологические условия. Каждый седьмой военнослужащий десанта был обморожен. Еще большие потери от обморожения понесла 152-я сд. Между тем, заблаговременная подготовка к действиям в условиях сильной метели и перехода температуры через отметку 0°C к отрицательным значениям могла значительно повысить боевые возможности сил, оборонявших плацдарм.

История знает примеры, когда тщательная подготовка позволяла наступающим войскам достичь успеха, несмотря на сложные гидрометеорологические условия. При операции под Эрзерумом в 1915 г. русская армия осуществила прорыв фронта при глубоком снеге и сильных морозах. Действия войск были продуманы до мелочей. Прежде всего, были приняты меры по их снабжению теплой одеждой. На случай необходимости маскировки во всех частях для бойцов были заготовлены белые халаты с капюшонами. Для предохранения глаз от ослепления ярким солнцем войска 1-го кавказского армейского корпуса были снабжены защитными очками-консервами. Особое внимание было уделено подвозу топлива: так как район наступления корпуса был безлесный и подвоз дров был почти невозможен, то все бойцы пехоты и конницы несли при наступлении по два полена дров для обогрева во время ночлега. Кроме того, наступавшие роты имели с собой толстые доски и жерди для устройства переправ через ручьи, чтобы люди не мочили ног и не обмораживали их. Несмотря на гидрометеорологическую обстановку, не благоприятствующую ведению наступления, принятые мероприятия обеспечили русской армии успешный прорыв турецкого фронта [27].

Заключение

Трагедия, разыгравшаяся на мысе Пикшуев, стала возможной из-за недостаточного внимания командования флота к погоде, как важного элемента обстановки на театре, и просчетам тыловых органов при подготовке подразделений, наступавших с захваченного плацдарма и на сухопутном направлении, к действиям в сложных гидрометеорологических условиях. В вопросах подготовки десанта было допущено нарушение требований ряда руководящих документов. Один из них – Временное наставление по ведению морских операций 1940 г. – в пункте 289 недвусмысленно предписывает: «Условия, ограничивающие использование сил и средств флота зимой, не ограничиваются ледовым покровом. Необходим учет также и общих зимних условий (суровые шторма, пурга, обмерзание, холод, туман, низкая облачность). Некоторые силы и средства из-за зимних условий могут на все время вовсе выходить из строя» [28].

Тихон Бормотов долгие годы проработал в Гидрометеорологическом центре Северного флота. На примере его подвига, совершенного на мысе Пикшуев, было воспитано не одно поколение молодых гидрометеорологов. Трагедия же пикшуевского десанта по понятным причинам не получила широкой огласки. В фундаментальных трудах, таких как «Гидрографы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» роли погоды в судьбе того десанта отводится всего одна строка: «Действия десанта были успешными, несмотря на неблагоприятные условия погоды (оттепель чередовалась с морозом)» [29]. Несмотря на то, что контрнаступление советских войск в Мурманской операции не достигло цели, оно способствовало окончательной стабилизации фронта в Заполярье. Необходимо помнить и об уроке, вынесенном из трагедии пикшуевского десанта: всякое планирование боевых действий должно начинаться со всесторонней оценки фактических и ожидаемых гидрометеорологических условий.

Примечания:

1. Исторический альбом 402 Гидрометцентра СФ. Инв. № 12309. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. с. 4.
2. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71, л. 172.
3. *Абатуров В.В., Морозов М.Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М.: Яуза, Эксмо, 2008, с. 422–423.
4. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 11. Д. 1241, л. 6, 9.

5. Там же. Л.10, 12.
6. Там же. Л. 12 об.
7. Сборник материалов по опыту боевой деятельности ВМФ СССР. № 17. 1944, с. 6.
8. ЦВМА. Ф. 243. Д.23931, л. 54.
9. Директива Ставки ВГК № 170323 от 25 апреля 1942 г.// ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71, л. 230.
10. *Абатуров В.В., Морозов М.Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М.: Яуза, Эксмо, 2008, с. 423-424, 429.
11. ЦВМА. Ф. 11. Д. 1241, л.12.
12. Там же. Инв. №7841, с. 28-30.
13. Там же. Инв. №7841, с. 31.
14. ЦВМА. Ф. 11. Д. 1241, л. 16-19, 23, 23 об.
15. *Абатуров В.В., Морозов М.Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М.: Яуза, Эксмо, 2008. с. 425.
16. *Абатуров В.В., Морозов М.Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М.: Яуза, Эксмо, 2008. с. 428.
17. ЦВМА. Инв. № 7841, с.34.
18. ЦВМА. Ф. 11. Д. 1241, л. 28 об., 31 об.
19. Там же. Л. 36-37.
20. ЦВМА. Инв. №7841, с. 35.
21. *Абатуров В.В., Морозов М.Э.* Неизвестные трагедии Великой Отечественной войны. Сражения без побед. М.: Яуза, Эксмо, 2008. с. 424.
22. Там же. С. 430-431.
23. Там же. С. 433.
24. Директива Ставки ВГК № 154878 от 10 мая 1942 г. // ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 264.
25. ЦВМА. Инв. №7841, с. 31.
26. Там же. С. 35.
27. *Кулаков А.А., Шталь В.А.* Военная метеорология. М.: Воениздат, 1940. с. 219-220.
28. Временное наставление по ведению морских операций 1940 г. М.: Воениздат НКВМФ СССР, 1940. с. 154.
29. Гидрографы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1975. с. 207.

References:

1. Istoricheskii al'bom 402 Gidromettsentra SF. Inv. № 12309. Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg. s. 4.
2. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO). F. 48a. Op. 3408. D. 71, l. 172.
3. Abaturov V.V., Morozov M.E. Neizvestnye tragedii Velikoi Otechestvennoi voiny. Srazheniya bez pobed. M.: Yauza, Eksmo, 2008, s. 422-423.
4. Tsentral'nyi voenno-morskoi arkhiv (TsVMA). F. 11. D. 1241, l. 6, 9.
5. Tam zhe. L.10, 12.
6. Tam zhe. L. 12 ob.
7. Sbornik materialov po opytu boevoi deyatel'nosti VMF SSSR. № 17. 1944, s. 6.
8. TsVMA. F. 243. D.23931, l. 54.
9. Direktiva Stavki VGK № 170323 ot 25 aprelya 1942 g.// TsAMO. F. 48a. Op. 3408. D. 71, l. 230.
10. Abaturov V.V., Morozov M.E. Neizvestnye tragedii Velikoi Otechestvennoi voiny. Srazheniya bez pobed. M.: Yauza, Eksmo, 2008, s. 423-424, 429.
11. TsVMA. F. 11. D. 1241, l.12.
12. Tam zhe. Inv. №7841, s. 28-30.
13. Tam zhe. Inv. №7841, s. 31.
14. TsVMA. F. 11. D. 1241, l. 16-19, 23, 23 ob.
15. Abaturov V.V., Morozov M.E. Neizvestnye tragedii Velikoi Otechestvennoi voiny. Srazheniya bez pobed. M.: Yauza, Eksmo, 2008. s. 425.
16. Abaturov V.V., Morozov M.E. Neizvestnye tragedii Velikoi Otechestvennoi voiny. Srazheniya bez pobed. M.: Yauza, Eksmo, 2008. s. 428.

17. TsVMA. Inv. № 7841, s.34.
18. TsVMA. F. 11. D. 1241, l. 28 ob., 31 ob.
19. Tam zhe. L. 36-37.
20. TsVMA. Inv. №7841, s. 35.
21. Abaturov V.V., Morozov M.E. Neizvestnye tragedii Velikoi Otechestvennoi voiny. Srazheniya bez pobed. M.: Yauza, Eksmo, 2008. s. 424.
22. Tam zhe. S. 430-431.
23. Tam zhe. S. 433.
24. Direktiva Stavki VGK № 154878 ot 10 maya 1942 g. // TsAMO. F. 48a. Op. 3408. D. 71. L. 264.
25. TsVMA. Inv. №7841, s. 31.
26. Tam zhe. S. 35.
27. Kulakov A.A., Shtal' V.A. Voennaya meteorologiya. M.: Voenizdat, 1940. s. 219-220.
28. Vremennoe nastavlenie po vedeniyu morskikh operatsii 1940 g. M.: Voenizdat NKVMF SSSR, 1940, s. 154.
29. Gidrografy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. L., 1975. s. 207.

УДК 68.65

Влияние сложных гидрометеорологических условий на высадку морского десанта (на примере высадки десанта на мыс Пикшуев в апреле–мае 1942 г.)

¹ В.Н. Прямицын

² В.А. Драбенко

³ В.И. Жуматий

¹⁻³ Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательский институт (военной истории), Российская Федерация

¹ Майор, кандидат военных наук

E-mail: priamitzynvn@mail.ru

² полковник, доктор технических наук, профессор

E-mail: drv@rshu.ru

³ Капитан 1 ранга в отставке, доктор исторических наук, профессор

E-mail: jumatiy_vi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена высадке десанта на мыс Пикшуев в апреле–мае 1942 г. Описана подготовка к нему, поставленные задачи, силы и средства, а также ход высадки, особенно подробно рассматривается влияние сложных метеорологических условий на результаты десантной операции.

Авторы отмечают, что трагедия, разыгравшаяся на мысе Пикшуев, стала возможной из-за недостаточного внимания командования флота к погоде, как важного элемента обстановки на театре, и просчетам тыловых органов при подготовке подразделений, наступавших с захваченного плацдарма и на сухопутном направлении, к действиям в сложных гидрометеорологических условиях. В вопросах подготовки десанта было допущено нарушение требований ряда руководящих документов.

Ключевые слова: высадка, морская пехота, метеорологические условия.